
ОГОНЁК
28 ИЮЛЬ 1962
ЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МИР
НУЖЕН
ВСЕМ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 28 (1829)

8 ИЮЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ЗА ВСЕОБЩЕЕ РАЗОРУЖЕНИЕ И МИР

Плакат с рисунком Пабло Пикассо, посвященным Всемирному конгрессу за всеобщее разоружение и мир.

Народы великого социалистического содружества заняты напряженным созидательным трудом. Мир органически вытекает из природы социализма. Советские люди, так же как и все народы социалистических стран, считают своим долгом активно бороться за мир, против угрозы новой мировой войны. Трудящиеся всех стран с надеждой обращают свои взоры к странам социализма, видят в них самых стойких защитников мира. Об этом свидетельствует и тот факт, что сторонники мира избрали Москву местом для предстоящего Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир.

Н. С. ХРУЩЕВ.

Выступление Н. С. Хрущева по радио и телевидению о поездке советской партийно-правительственной делегации в Румынскую Народную Республику.

Фото А. Устинова.

МИР, РАЗОРУЖЕНИЕ — СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Мечта о мире была всегда самой светлой и самой радужной для людей на всех континентах. Но войны уносили в могилы миллионы молодых людей, сталкивали лицом к лицу людей разных наций, вносили тлетворный дух шовинизма, разрушали созданное талантом и гением многих поколений. Войны — это ужас, это черная смерть, это гибель миллионов людей.

Люди хотят мира! Этому посвящены многие высказывания мудрейших людей земного шара, произведения художников и писателей, скульпторов и композиторов, детские рисунки и выступления тех, кого мы называем участниками художественной самодеятельности. Этому посвящены труд и поиск политиков и ученых, думающих о том, как лучше устроить мир на земле.

Поэтому трудно назвать более важную, более необходимую в наши дни встречу, чем встреча посланцев всех пяти континентов, которая произойдет 9 июля в Москве при открытии Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. Люди будут говорить на разных языках, без переводчиков многие из них вначале, может, и не поймут друг друга. Но им помогут глаза, рукопожатия, короткие и вдохновенные слова: мир, разоружение, дружба... Никто не будет на конгрессе спрашивать соседа о принадлежности к той или иной партии, о верис-

поведании, задавать вопросы о доходах, об образовании. Но все будут искать, искать и в конце концов находить не такие уж простые пути, по которым народы пяти континентов могли бы прийти к тому радостному дню, когда люди перестанут чувствовать себя живущими как бы под дулом пистолета. Люди всех стран хотят, чтобы человечество предстало перед будущим без оружия, но от этого стало бы еще более сильным, могучим, здоровым и красивым.

Можно со всей ответственностью сказать: ни один народ не хочет войны. Людям ненавистна война.

Автору этих строк недавно пришлось проделать большой путь по Соединенным Штатам — от Нью-Йорка через Филадельфию, Вашингтон, Чикаго, Сиэтл, Сан-Франциско в Лос-Анжелос. Мы разговаривали с десятками, сотнями людей Америки. Они не хотят войны.

Несмотря на лживую пропаганду, которая не сходит со страниц многих американских газет, люди в Соединенных Штатах в основном стали понимать, что Советский Союз войны не хочет. Ставшая недавно популярной песня «Хотят ли русские войны» довольно точно отвечает на те чувства, которыми полны сердца советских людей. Но что особенно важно, эти чувства понимают и, безусловно, разделяют миллионы людей на всем земном шаре. Мы были в Стенфордском университете, расположенном поблизости от Сан-Франциско. Там с нетерпением ожидают нашу легкоатлетическую команду. На стадионе университета состоится очередной поединок советских и американских спортсменов. Это мирный поединок, но, как известно, борьба между спортсменами двух стран идет напряженная, упорная.

В голубом калифорнийском небе над университетом мы увидели белый крест. Реактивный самолет как бы символически перечеркивал мирное небо над американским университетом. Невольно думалось, стоя на крыльце университета в окружении милых двадцатилетних ребят, говоривших о том, что вся их мечта — мир: они хотели бы посвятить себя мирным профессиям, может быть, побывать в Советском Союзе, чтобы посмотреть жизнь своих сверстников, которые становятся для них все менее загадочными.

И когда вспоминаешь встречи с самыми разными американцами, не только теми, которых мы привыкли называть простыми, но и далеко не простыми, то понимаешь: заветная мечта каждого из них — мир. Но к миру нельзя прийти без разоружения. Надо уменьшить количество вооружения, сведя его до минимума, приведя человечество к счастливому времени, когда исчезнет из всех языков слово «война».

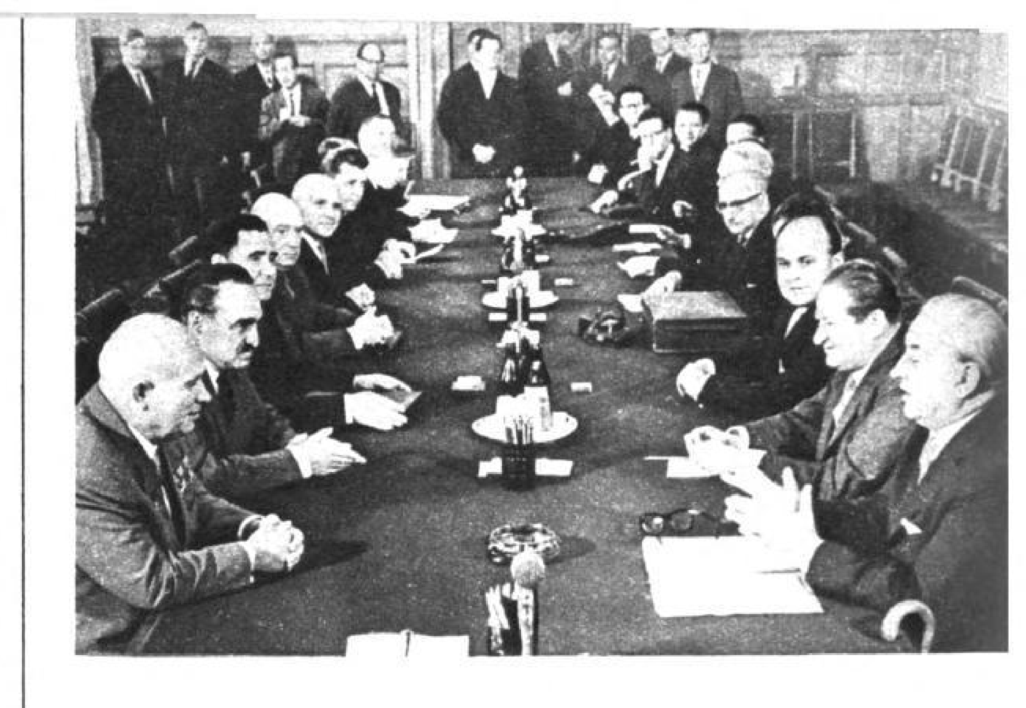
На этих днях мне пришлось беседовать с молодыми африканцами. Все они обучаются в Москве. Закончился учебный год. Некоторые из них перешли на второй курс, другие поступают на первый. Студенты из Нигерии, Кении и Нигера. Я спросил, кто из них какую выбрал для себя профессию. Мне ответили:

— Буду хирургом.
— Агрономом.
— Строителем.
— Нефтяником.
— Энерготехником.

Пять человек... Пять ответов... В этом как бы сходится будущее африканского континента, мечты людей, которые хотят видеть свой дом мирным, без страшной тени атомной войны.

Мы очень горды тем, что Конгресс за всеобщее разоружение и мир происходит в столице нашей Родины. Это естественно. Не только советские люди предложили Москву местом созыва конгресса. Люди многих стран, представители многих народов видят в Москве символ мира, символ дружбы народов, рождаемый в суровой, самоотверженной и благородной борьбе народов за мир, против вооружения, за счастье, за будущее человечества!

Анатолий СОФРОНОВ

Австрийский канцлер в СССР

Советский Союз посетил с официальным визитом Федеральный канцлер Австрийской Республики Альфонс Горбах.

Приветствуя гостя, глава Советского правительства Н. С. Хрущев сказал: «Мне хотелось бы подчеркнуть, что Советское правительство, все советские люди питают самые дружеские чувства к австрийскому народу. Мы высоко ценим его достижения и искренне желаем, чтобы советско-австрийская дружба и дальше крепла и расширялась».

Встречаясь с Федеральным канцлером Горбахом, советские руководители заявили, что есть еще большие резервы для дальнейшего развития дружественных отношений между СССР и Австрией. Идти по пути дружбы — искреннее стремление советского народа и правительства.

На снимке: беседа Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева с Федеральным канцлером Австрийской Республики А. Горбахом.

Фото Е. Умнова.

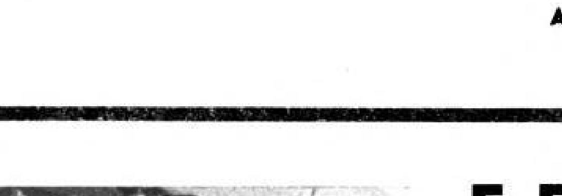

Дело всех народов

В Государственном дворце Аккры состоялось вручение международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся политическому деятелю Африки президенту Республики Гана д-ру Кваме Нкрума.

Вручая Кваме Нкрума диплом и медаль лауреата, председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик Д. В. Скобельцын отметил: «Эту высокую и почетную награду получает сегодня человек, посвятивший свою жизнь борьбе за освобождение народов от колониального гнета и отдающий всю свою кипучую энергию торжеству идеалов мира, дружбы и равенства между народами».

В ответной речи президент Нкрума поблагодарил за оказанную честь. «Сегодня борьба за мир должна быть нашим общим делом,— заявил он.— ...Я уверен, что различные народы могут сосуществовать независимо от различия их социальных, экономических и политических систем».

БЕЛЫЕ ЛИСТКИ И «ГВОЗДИ ДЖЕХА»

Л. КОРОЛЕВ

← «Белый листок — да!»

Нет в мире для человека ничего ближе, чем родина. Вряд ли известна была эта гомеровская строчка тому старому алжирцу, что пришел в первый июльский день на избирательный участок маленького городка Минервиль, расположенного километрах в шестидесяти к востоку от столицы Алжира. Он не остался дома, этот старик, хотя ему трудно было двигаться. Он пришел, чтобы опустить в урну белый листок бумаги, листок, который вместе с сотнями, тысячами, миллионами ему подобных возвращал алжирцу то, ближе чего не бывает,— свободную родину. Старику не пришлось странствовать по заморским странам, подобно Одиссею. Все свои 114 лет он прожил в Алжире, и за его плечами вся история его родины, закованной в цепи, но непокорившейся.

Новая страница алжирской истории была начата в прошлое воскресенье. В этот день по всему Алжиру — от оазисов Сахары до рыбачьих поселков Средиземноморья — проходил референдум.

Это был незабываемый день, какого еще не знала многострадальная алжирская земля. В Касбе, алжирском районе столицы, первый день свободы, родившийся в полночь, прошел по лабиринтам узких улочек и крутых лестниц без боязни заблудиться. Всю ночь в Касбе, освещенной разноцветными фонариками, пели и танцевали. Над головами людей теплый ветер раскачивал километровые гирлянды, зелено-белые флаги независимости, любовно вышитые полотнища с национальным орнаментом, плакаты с лозунгами.

А едва над городом занялась заря, заря свободы, все двинулись к избирательным участкам. Люди шли голосовать целыми домами и кварталами, шли старики, женщины с детьми, шла молодежь, которой строить будущий Алжир. Перед избирательными участками женщины отходили от общей толпы. По мусульманским обычаям они должны голосовать отдельно. На многие километры выстраивались две длинные очереди. Люди шли с раннего утра до позднего вечера. Их поток не прекращался. И без конца около урн падали ненужные оранжевые листки со словом «нет», а в урну опускались белые бюллетени свободы.

Так голосовали всюду в Алжире. Страна не видела подобного энтузиазма: ведь впервые в истории алжирец голосовал не под дулом автомата. Во многих районах в референдуме приняло участие до 100 процентов избирателей. Все они сказали «да». Вот только один пример. Монтебелло — небольшое местечко в департаменте Алжир. Здесь было зарегистрировано 1 657 избирателей. Все пришли к урнам, и все опустили белые бюллетени. В целом из 5 992 115 человек, принявших участие в референдуме, 5 975 581 ответили «да».

КРЕПНУТ ДЕЛОВЫЕ СВЯЗИ

— Мы приветствуем ваш визит в Италию как одно из конкретных проявлений политики мирного сосуществования, — заявил премьер-министр Италии А. Фанфани на приеме в честь первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

Поблагодарив представителей итальянского правительства и деловых кругов за теплый прием, оказанный ему в стране, А. Н. Косыгин подчеркнул, что атмосфера взаимопонимания, ощущавшаяся повсюду во время его поездки, будет способствовать дальнейшему сотрудничеству СССР и Италии.

На снимке: встреча первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина на Римском аэродроме.

Фото ЮПИ.

Ровесник

Скоро выходит первый номер «Ровесника» — нового общественно-политического и литературно-художественного журнала ЦК ВЛКСМ и Комитета молодежных организаций СССР.

Известный английский писатель Джеймс Олдридж написал взволнованную публицистическую статью «Ты входишь в жизнь»... «Я всегда верил, что молодежь мечтает не только об удовлетворении своих личных желаний, но и о великом служении человечеству», — пишет он.

Журнал охотно предоставит свои страницы прогрессивным иностранным публицистам и писателям, художникам и поэтам, советским туристам, выезжающим за границу, — всем, кто поможет раскрыть перед молодым советским читателем духовный мир и облик его зарубежного сверстника.

Алексей ФЕДОТОВ

ФИЛЬМ О «ПРАВДЕ»

«Правда» неотделима от нашей жизни. День советского человека начинается с того, что он берет в руки эту славную газету, и с ее страниц встает перед ним громада человеческого бытия, кипение событий, мужество и стойкость людей в борьбе за коммунизм, за мир, за счастье на земле.

Создатели кинофильма, посвященного главной газете партии, поступили совершенно правильно, предъявив зрителю документы той эпохи, славной и трудной, когда создавалась «Правда», когда она росла, крепла, завоевывая сердца миллионов читателей.

Мы видим колыбель «Правды» — дом № 14 по Ивановской улице в Петербурге. Оттуда вышли первые номера газеты, ставшей глашатаем социалистической революции. Мы видим старый Питер с его убогими рабочими окраинами и блестящим Невским. Далекое сибирское село Шушенское, где жил в ссылке Ленин. Увиденное с экрана переносит нас в те времена, когда закладывались основы боевой марксистской партии и замышлялось издание «Искры», той самой, из которой впоследствии разгорелось яркое пламя большевистской «Правды». Мы видим Ленский расстрел, потрясший Россию, эпизоды первой мировой войны, Февраль и Октябрь семнадцатого года, штурм Зимнего, торжество революции.

«Правда» — друг трудового человека, его советчик. Как жить по-новому? Как отстоять завоевания революции? Гражданская война, восстановительный период, индустриализация и коллективизация — крупнейшие события проходят в фильме. И всюду в гуще событий мы видим главную газету партии!

В грозные годы Отечественной войны «Правда» поднимала дух советских воинов, звала народ на подвиг. Голос ее разил врага с силой пушечных залпов.

«Правда» наших дней предстает перед зрителями фильма на фоне великих дел, свершаемых волей партии и народа, строящего коммунизм.

В огромном доме комбината «Правды» четко и ровно бьется пульс жизни. Не бывает такого часа, чтобы здесь не трудились люди. В фильме показан самоотверженный труд тех, кто делает «Правду».

Творческий коллектив, создавший этот фильм, — Е. Рябчиков, М. Саднович, Л. Варламов, В. Цитрон — открыл перед кинозрителем яркую страницу жизни советской печати, несущей народу правдивое слово и честную партийную мысль.

Ник. КРУЖКОВ

ВНУКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Учрежденный в Москве 50 лет назад Литературный музей Л. Н. Толстого превратился в крупнейший научный и пропагандистский центр творчества великого писателя.

Частыми гостями музея бывают внуки Льва Николаевича: Илья Ильич, Сергей Сергеевич и Владимир Ильич. В Москве и области их знают как страстных пропагандистов творчества писателя.

Сейчас Илья Ильич Толстой — преподаватель филологического факультета МГУ, доцент кафедры славянских языков, автор учебников и сербско-хорватско-русского словаря.

Владимир Ильич — агроном-садовод подмосковного колхоза имени Ленина в селе Троицком. Здесь все — и колхозники и школьники — знают, что внук Льва Николаевича не уступит деду в привязанности к природе.

Сергей Сергеевич преподает в Государственном институте международных отношений. Он крупнейший специалист по переводам с английского языка.

А. ЖИГАЙЛОВ, студент МГУ

На снимке: Илья Ильич (справа) и Владимир Ильич Толстые в президиуме собрания, посвященного 50-летию Литературного музея Л. Н. Толстого.

Фото автора.

«Да» новому Алжиру сказало и большинство европейцев. Многие из них, обманутые оасовцами, втянутые в авантюры полковников и беглых бандитов, воочию убедились, кто их враг и кто друг. Оставив после себя разрушенные мэрии, университет, взорванные школы и больницы, оасовцы во главе со своим новоиспеченным фюрером генералом Гарди удрали под крылышко фашиста Франко, прихватив чемоданы, набитые десятками миллионов франков, награбленных в Алжире. Главари «ультра» бежали, а правые французские газеты начали вопить о «резне» и «погромах», которые якобы должны начать мусульмане. Но эта провокация не удалась. Французские колонизаторы, появившиеся в Алжире в июле 1830 года под лозунгом «Уничтожать всех, кто не будет ползать у наших ног», уходя из Алжира в июле 1962 года, ожидали, видимо, такого же отношения к себе. Но победители были великодушны. Они сказали оставшимся европейцам: «Мы протягиваем вам братскую руку. Будем работать бок о бок. Давайте вместе строить наше будущее».

И это было сделано после 132 лет колониального гнета, после почти 8-летней истребительной войны, после зверств оасовцев, в тот момент, когда сотни тысяч алжирцев, возвращаясь домой, находят на месте своих деревень пепелища и засохшие пашни, твердые, как гранит. А сколько алжирцев никогда не вернутся домой!..

Колонизаторы, которых алжирцы изгнали из своего дома, пытаются действовать, как злой богач Джеха из древней восточной притчи. Джеху выгнали из дома, в котором он долго хозяйничал. Но перед уходом богач выторговал себе право распоряжаться лишь одним гвоздем в стене своего бывшего дома. И каждый день потом он приносил и вешал на этот гвоздь то дохлую кошку, то собаку, пока жильцы дома не сбежали. Тогда Джеха вновь завладел домом.

Современные джехи сегодня пытаются набить как можно больше гвоздей в алжирском доме — и мелких и покрупнее. Хотели оставить они свой гвоздь и в Роше Нуар. Этот городок, расположенный в 50 километрах от города Алжира, стал накануне референдума местом небольшого, но весьма знаменательного инцидента. Алжирцы хотели снять с флагштока развевающееся над Роше Нуар французское знамя и заменить его алжирским. Однако это, видимо, кое-кому пришлось не по вкусу. Над Роше Нуар — и вдруг алжирский флаг! Металлическая башня была демонтирована, лишь бы зелено-белый стяг свободного Алжира не был поднят. Однако он был все же поднят и реет сейчас не только над Роше Нуар, но и над всем Алжиром.

Итак, Алжир стал независимым. Но перед страной встает много серьезных проблем. «Подлинная независимость, — подчеркивается в обращении Алжирской коммунистической партии к избирателям, — это не только правительство и флаг. Подлинная независимость — это когда мы будем окончательно освобождены от иностранных военных баз, от экономической зависимости, в частности от контроля над нашими сахарскими богатствами».

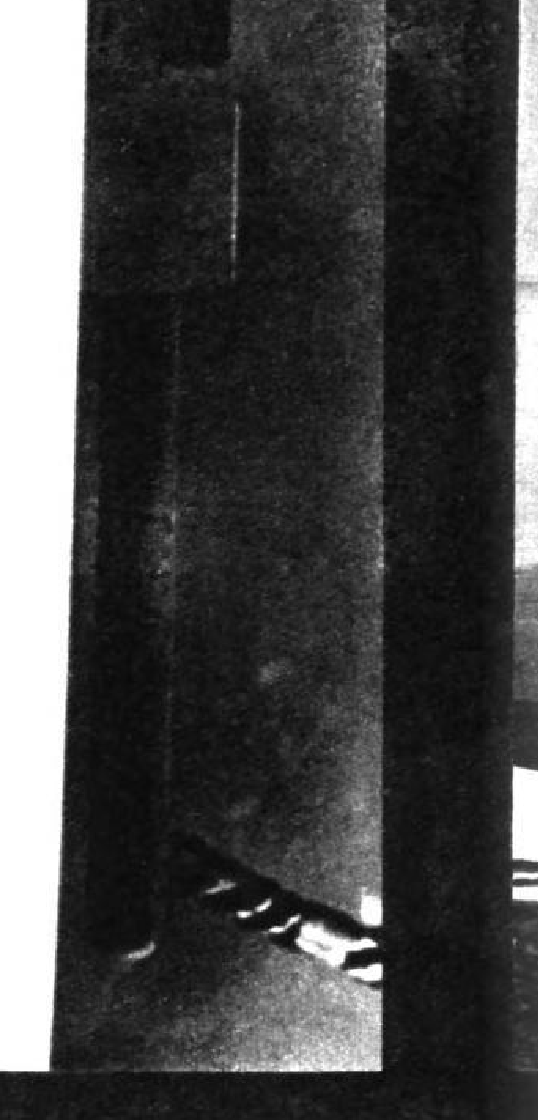
Да, колониальный Джеха оставил в доме Алжира свои гвозди. Но алжирский народ, сказавший 1 июля твердо «да» свободе своей страны, выдернет эти гвозди, потому что не существует в мире для народа ничего ближе и желаннее, чем свободная родина.

«Голосует» ОАС... Накануне референдума бандиты из «секретной вооруженной организации» взорвали нефтеперегонный завод в Оране.

Фото ЮПИ.

НАРОДЫ, УЙМИТЕ БЕЗ

Народы земного шара не должны мириться с опасной политикой, которая может привести мир к термоядерной катастрофе.

Н. С. ХРУЩЕВ.

Я. НЕМЧИНСКИЙ, Л. СТЕПАНОВ

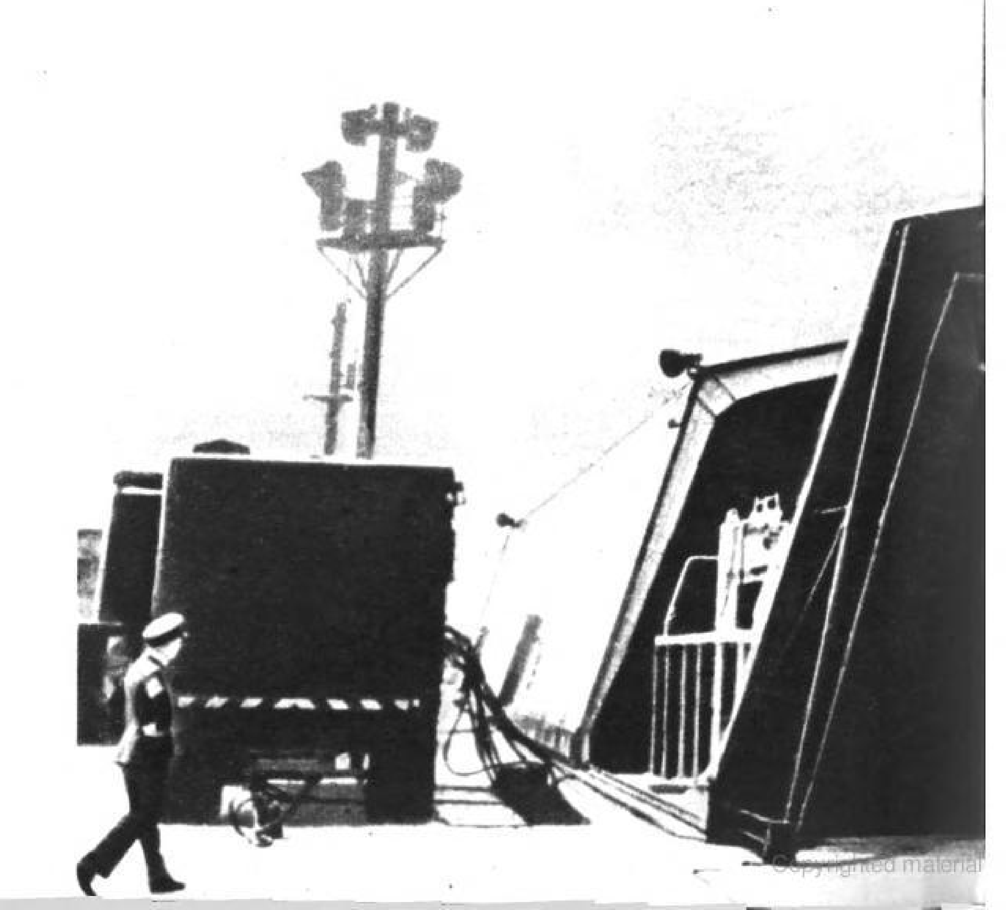
Три ключа... Не от квартиры, не от лифта, не от автомашины... **Ключи от войны.**

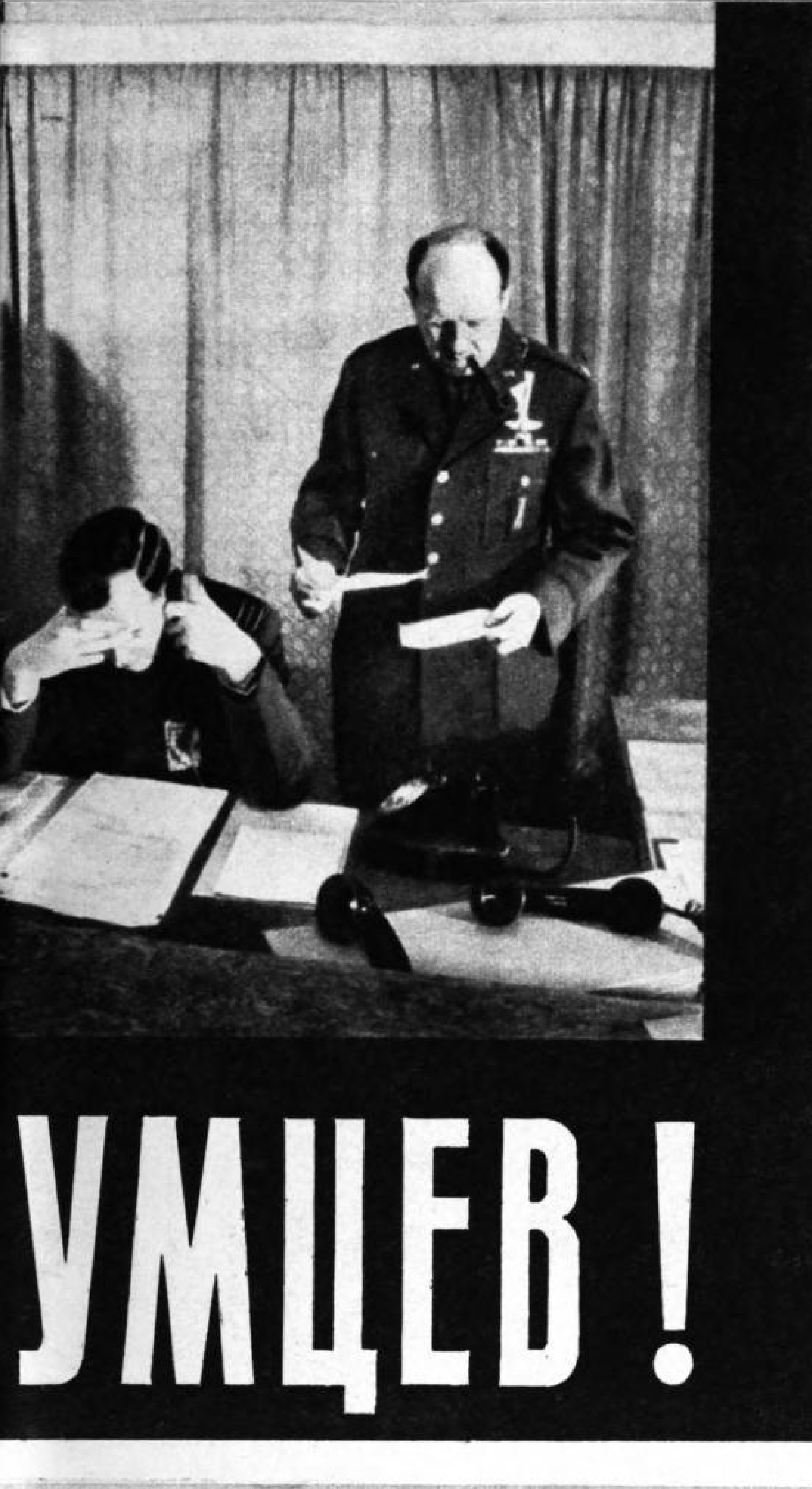
Их в любую минуту могут взять и включить пульт управления. Легкий нажим пальца — и «в заданном направлении» помчится ракета, взрыв которой может стать сигналом для всемирной атомной войны.

Таких ключей много. Эти три висят на стенде **натовской базы в Северном Лафенхэме** (Англия). Вот одна из установок на снимках, похожая на огромный стальной гроб, надежно охраняемая, тщательно скрываемая от «посторонних». «Посторонние» — все человечество, кроме нескольких генералов НАТО и персонала базы.

А вот офицеры, которые обслуживают эту базу,— американец Генри Уитер и англичанин Джон Бэррет. Они нажмут кнопку, если генералам из НАТО взбредет в голову «проявить инициативу». А при некоторых обстоятельствах, как заявил президент США Д. Кеннеди, Запад собирается «взять инициативу в ядерном конфликте...»

Соединенные Штаты уже «взяли на себя инициативу» в проведении целой серии ядерных испытаний. Они не посчитались ни с протестами мировой общественности, ни с отрезвляющими предупреждениями Советского правительства. «Опасным безумием» назвал исполняющий обязан-

УМЦЕВ !

ности генерального секретаря ООН У Тан решение правительства США о проведении испытаний в районе островов Рождества и Джонстона.

База в Лафенхэме — одна из нескольких десятков баз, появившихся на земле в последние годы. НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС... Стоит только взглянуть на схематическую карту их военных баз и на гигантскую сумму военных расходов, и становится очевидным фарисейство политиков Запада, заверяющих народы в своем христианском миролюбии.

Кто хочет жить в мире с соседями, тот не станет целиться в них из ружья. А мальбруки из НАТО нацелили свои ракеты на многие страны, они готовы поставить на карту жизнь целых народов.

Вот ракетная площадка вблизи шоссе Дармштадт — Мангейм (ФРГ). Куда наведены эти американские ракеты?

Против кого готовятся эти напалмовые операции НАТО? Двенадцать лет назад напалм был применен против корейцев.

Мировой жандарм мечется. Он расставил свои карательные посты и во льдах Гренландии и в тропиках, он посылает свои эскадры то к Тайваню, то в Средиземное море, бросает отряды наемников то поближе к Кубе, то в Таиланд и никак не успевает. Трещит старый мир по всем швам.

Вот один из крупнейших авианосцев американского флота, «Форрестол». Носится он по морям и океанам под личиной защитника «западной демократии», услужливо предлагая народам смерть.

Помнится, Джеймс Форрестол тоже яростно грозил народам, планировал карательные походы целых танковых армий против народов европейских стран, а в конце концов запугал только самого себя. Померещилось безумцу, что советские танки ворвались на улицы Вашингтона, и прыгнул он от ужаса вниз головой из окна небоскреба.

Почему, спрашивают люди, Соединенные Штаты не только не выполнили своих союзнических обязательств, взятых после разгрома фашистской Германии в международных соглашениях, но вновь вскормили западногерманский бундесвер и отвели ему роль своего главного союзника по НАТО? Почему в «оборонительных» блоках Запада задают тон шпейдели, хойзингеры, фёрчи, каммхуберы и прочая недобитая гитлеровская нечисть?

Нынешние претенденты на ми-

Ракетные площадки вблизи от шоссе Дармштадт — Мангейм.

Маневры НАТО с применением напалма.

Штаб американской военной базы в Гренландии.

Авианосец «Форрестол».

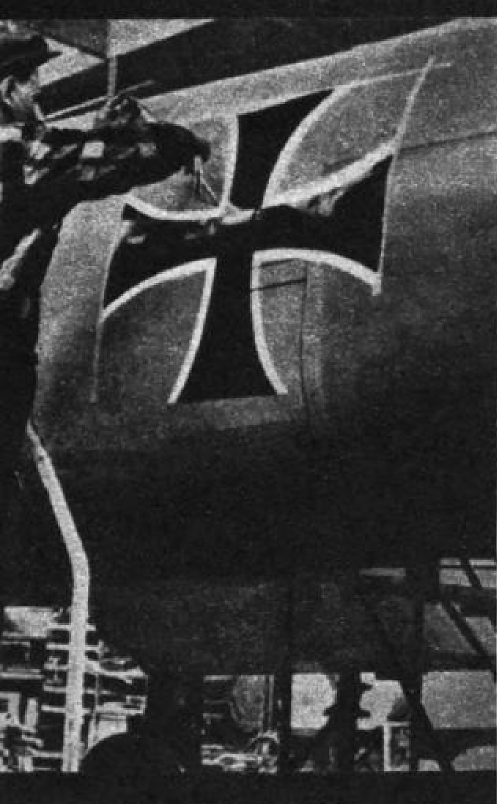
Танки бундесвера в Англии.

Части западногерманских парашютистов проходят через территорию Бельгии.

Ночной марш бундесвера во Франции.

Снова черные кресты! Канадские заводы строят самолеты для бундесвера.

ровое господство почти не имеют своего опыта ведения настоящей войны. Они полагают, что уж лучше опыт битых гитлеровских генералов, чем совсем ничего. За битого двух небитых дают. И действительно, за одного какого-нибудь битого Шпейделя дают (точнее, дают ему в подчинение) двух генералов: американского и английского. А порой еще и французского в придачу.

Само собой разумеется, что западногерманские реваншисты вынашивают свои собственные, весьма и весьма отличающиеся от замыслов Пентагона планы. Они вовсе не думают только прислуживать Пентагону. Пока американские стратеги глотают пилюли поражений на Кубе и в Южном Вьетнаме, боннские реваншисты бесшумно захватили в Западной Европе важные плацдармы.

Во время войны гитлеровцам так и не удалось высадиться на берегах Англии. Танки с черными крестами на бронированных боках не смогли преодолеть Ламанш. Зато теперь, в мирное время, те же самые танки кромсают гусеницами землю туманного Альбиона. Английские военные на этот раз были удивительно гостеприимны и предупредительны: они приказали перевезти танки к полигонам на английских тягачах.

Почему смеются эти западногерманские парашютисты? Их воинская часть в полном боевом порядке проходит через территорию Бельгии. В третий раз за полстолетия. Но еще никогда немцам не удавалось это так легко, до смешного просто.

Их отцов — незваных гостей в мундирах «третьего рейха» — ценою больших жертв вышвырнули из Франции. Народ Франции никогда не забудет позора Парижа и развалин Орадура. Но у правителей Франции, как видно, иное мнение. Они услужливо распахнули ворота сыновьям оккупантов, которыми командуют те же самые гитлеровские генералы.

Во время войны миллионы людей посылали проклятия самолетам с черными крестами, бомбившим мирные города. Теперь канадские авиационные заводы строят для бундесвера боевые самолеты и в соответствии с заказом на их фюзеляжах тщательно выводят памятные зловещие кресты. Говорят, что деньги не пахнут. Но не слишком ли скоро забыт запах гари разбомбленных городов?

Нас — нормальных, честных людей, которым нужен мир,— гораздо больше, чем зачинщиков войны. Значит, все дело только в том, чтобы встать рядом, плечом к плечу и грозно сказать: **«Нет!»**

Пусть каждый поймет и почувствует нашу силу. Пусть крепнут наши ряды. Пусть Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир, открывающийся 9 июля в Москве, мобилизует всех людей доброй воли для победы над силами войны!

Лондонцы против повторения Хиросимы. →

Матери Дортмунда демонстрируют против войны.

Полицейские разгоняют в Нью-Йорке сторонников мира, выступающих против испытаний ядерного оружия.

Японские трудящиеся требуют, чтобы американцы убирались с Окинавы, где они устроили одну из своих военных баз.

Мита Гендзиро. Земля, ставшая полигоном.

Японские художники:—НЕТ ВОЙНЕ!

На картине изображено обширное поле, которое еще недавно зеленело мирными рисовыми всходами. На него со скорбью и гневом смотрят японские крестьяне. Им запрещен вход на эту землю, которую обрабатывали их деды и прадеды. Тут теперь обучаются американские солдаты; трещат пулеметы, гремят артиллерийские залпы.

Картина художника Мита Гендзиро «Земля, ставшая полигоном» экспонируется на выставке современной японской живописи, открытой в Москве, в Музее искусства народов Востока.

Для изобразительного искусства Японии наших дней характерно разнообразие течений, школ, направлений, творческих организаций. На выставке много работ принадлежит художникам традиционного направления. Здесь есть картины членов Академии художеств Японии. В основном они исполнены в традиционной манере — на ширмах — и рассказывают о природе Японии, ее истории.

Многие картины посвящены горькой жизни и мужественной борьбе трудящихся за демократию, национальную независимость и мир.

Сильное впечатление производит картина «Женщины и дети» из серии полотен «Хиросима», созданной художниками-коммунистами Ири и Тосико Маруки — лауреатами Международной премии мира. Напоминание об ужасах атомной бомбардировки звучит гневным протестом против проводимых американцами ядерных испытаний.

Посетители выставки увидят работы художников различных убеждений и творческой манеры. Но всех их объединяет благородное желание познакомить советских людей с искусством своей страны, способствовать взаимопониманию между японским и советским народами.

А. ФЕЙГЕЛЬ

Год нашей жизни

Так говорят: с горы виднее! Когда человек поднялся на высоченную вершину и оглянулся назад, у него аж дух захватывает: вон какие перевалы и кручи остались позади и какие ясные дали открываются взору твоему!..

Нечто подобное испытываешь, перелистывая страницы этой книги — «Год нашей жизни». Я не знаю, к какому жанру отнесут ее. Но она, безусловно, интересна и по замыслу и по исполнению. Составители поставили перед собой несколько необычную и весьма трудную задачу: собрать газетные, журнальные выступления писателей, поэтов, очеркистов, репортеров, дать лаконичную хронику и яркие цифры, из которых воссоздавалась бы летопись великих творений, коими отмечен был один год жизни нашего народа — 1961-й.

«Год жизни... Даже для человека — это большой срок. А для целой страны! Да еще для такой, как могучий Советский Союз! Ведь год меряется не столько по количеству дней, сколько по значительности дел и событий, происшедших за этот период. А для нашей страны год 1961-й был годом исторических свершений — XXII съезд КПСС, покорение советским человеком космоса, новые победы нашего народа в осуществлении семилетнего плана».

Этими строками, обращенными к читателям, открывается книга. В них сформулирована и вся трудность дела, за которое взялись составители,— рассказать в одной, в общем-то небольшой книге, на 359 страницах, об одном годе нашей жизни, да еще каком!

Книга получилась яркой, интересной, строго, со вкусом оформленной. Составители правильно поступили, отобрав рассказы лишь о самых выдающихся событиях минувшего года, года развернутого строительства коммунизма.

Вышедшая книга — только первая ласточка. Издательство «Советская Россия» предполагает выпускать такие сборники ежегодно в течение двадцати лет. Двадцать этих сборников могут стать подлинно «летописной историей деяний Человека, осуществившего Программу, начертанную в 1961 году партией великого Ленина».

Л. ЛЕОНИДОВ

«Год нашей жизни». Сборник. Издательство «Советская Россия». 359 стр. 1962.

ВСТРЕЧА С ПЕЙЗАЖЕМ

Г. НИССКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Наша русская природа богата, красоты ее неисчерпаемы. Нужно прожить не одну жизнь, чтобы понять всю ее прелесть. И разве часто не ловишь себя на мысли: «Сколько у меня еще не сделано, сколько впереди работы, сколько нужно трудиться, чтобы высказать свою любовь к родной земле, вызвать в людях чувство доброе, украсить жизнь человека».

Наверное, так думают многие художники. Наверное, художник Яков Дорофеевич Ромас живет с той же мыслью.

Вспоминаю двадцатые годы, когда мы, студенты Вхутеина, собирались вместе и горячо спорили о будущих путях развития советского искусства. И не только за конспектами лекций, у мольбертов в мастерских — даже на волейбольной площадке. Мы были молоды и нетерпеливы. У каждого были свои мечты, свои дерзания.

Теперь, глядя на творчество моего однокашника по училищу, я с радостью думаю, что наши разные мечты помогли нам отыскать дорогу в одну страну — мир прекрасного.

Творчество Ромаса многообразно. Он занимался декоративно-оформительским искусством, много сил отдал работе в качестве главного художника ВДНХ. Но особенно ярко его талант проявился в пейзаже.

Большое трудолюбие, хороший напор видим мы в каждом его вновь выставленном произведении — будь то картины выставки 1950 года, где его маленькая по размерам «Ока» произвела впечатление удивительной свежести; будь то монументальный триптих «По заветам великого Ленина» 1960 года, задуманный как художественное раскрытие сегодняшнего облика земли.

Мы смело можем назвать Я. Д. Ромаса художником современности. Его работы раскрывают перед нами заселенную, украшенную людьми землю. Пейзажи Ромаса сюжетны. Несмотря на детальность, мы видим в них творческое обобщение. Умение это доступно большому мастеру.

Казалось бы, всем знакома сегодня тема стройки гидростанции на великой реке. Но в картине «Утро стройки» главное — обобщенный образ сегодняшнего дня. Темп жизни, ритм труда чувствуем мы в каждой детали изображаемого: дымящие буксиры, высоченные краны, уходящая на противоположный берег громада плотины... Гидростанцию построят мужественные люди. Мы видим их на переднем плане картины.

Картины Ромаса всегда динамичны. Еще в 1946 году он написал «Свежий ветер» — вид на одно из чудеснейших мест Оки. Буксир тянет баржу, замерший бакен, высокий берег справа, где на склонах стоят селения... Поэтично полотно «Весна на Каспии». Здесь все волнует зрителя: бьющиеся о борт морские волны, люди, занятые парусами, горизонт, уходящий в бесконечность.

Художник показывает нам существенное, важное; работы его рождают теплое чувство, уважение к живописцу, раскрывающему родной пейзаж по-своему полно, интересно, талантливо.

Развитие пейзажа — это работа не одного поколения. Новые и новые молодые таланты будут обращать свой взгляд, сердце, кисть к пейзажу. Не пожелать им сердечно успеха, пожалуй, не может ни один из нас. Пусть будет разный язык, разные способы выражения, но мы мыслим и мечтаем об одном — передать на полотне наше глубочайшее убеждение, что мир прекрасен. Посмотрите, как возносится к небу дерево, как кричат чайки, как проносится в воздухе самолет, как гордо течет река!

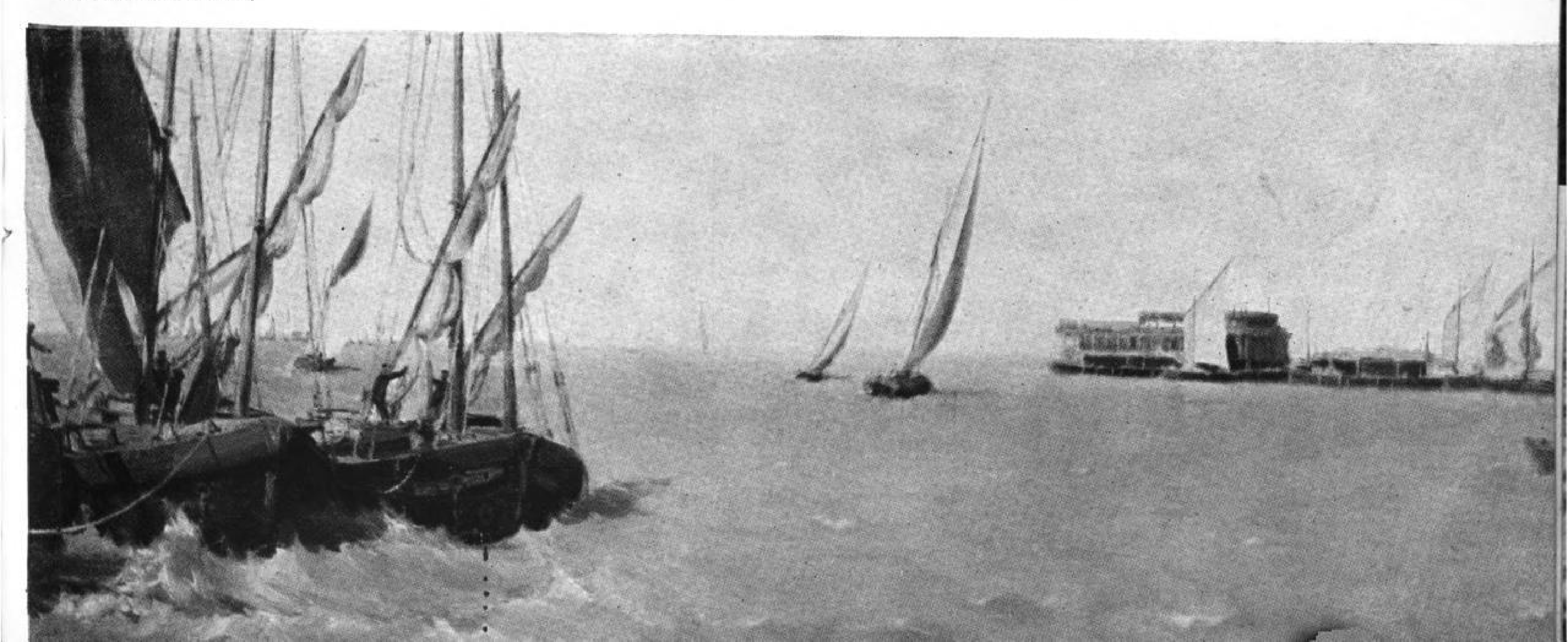
Самые глухие места, где даже не ступала нога человека, могут быть экзотичны или очень просты в своей красоте, но самое характерное в современном пейзаже — это действие советских людей, изменяющих облик земли. В картинах Ромаса человек всегда присутствует. Поэтому он понятен мне как художник, как творческая индивидуальность.

С нами в пути к прекрасному должны идти справедливость, талант, взволнованность. Нас никогда не должны покидать волнения дружбы, мы не должны терять уважения друг к другу. Каждому из нас присущ свой почерк, но мы должны чувствовать доброжелательность товарищей. В искусстве не может быть личных отношений. Дорог много — иди в любой край. Пейзажи ждут нас.

И трудиться надо так же упорно, как это делает Ромас. Уже была открыта выставка 1960 года, а художник в течение нескольких дней каждое утро подходил к своим полотнам и дописывал их. Эта постоянная неудовлетворенность своим творчеством, это стремление находить новые выражения, новые штрихи в изображаемом — завидное умение Якова Дорофеевича Ромаса.

Я. Ромас. УТРО СТРОЙКИ.

ВЕСНА НА КАСПИИ.

Я. Ромас. СВЕЖИЙ ВЕТЕР.

НА ПУТИ В АЛЕКСАНДРИЮ.

ПИСЬМО ПРОФЕССОРА ИКС

Преданное гласности
американским публицистом
Альбертом КАНОМ

Анонимные письма я обычно бросаю в корзину, почти не читая. Но письмо профессора Икс оказалось редким исключением. Правда, начал я его читать с изрядной долей скептицизма, но уже с первых строк оно захватило меня. Больше того, содержание письма показалось мне столь жизненно важным для человечества, что я тут же решил опубликовать его в печати. Разумеется, я не стану ручаться за то, что удивительное открытие, сделанное профессором Икс, является вполне научным. Но должен признать, что рассуждения его представляются мне довольно убедительными. К тому же я внимательно изучил документальные источники, на которые ссылается профессор,— точность и достоверность этих источников вне всякого сомнения.

А что касается всего прочего, то предоставляю об этом судить читателям.

А. К.

Памфлет

Уважаемый мистер Кан!

Я должен просить Вас быть снисходительным ко мне. Не в моих правилах ставить под письмами вымышленные подписи. Но, к сожалению,— и едва ли надо объяснять это именно Вам — в наши дни мы, каждый американец, подвержены всяким неприятным случайностям. Особенно, если ему вздумается завести дружбу или просто обменяться письмами с кем-либо из — ну, как бы тут выразиться? — из лиц, у которых предполагается «подозрительное умонастроение». А ведь Вы сами, мистер Кан, не раз открыто заявляли, что не только проживаете в калифорнийской Лунной Долине, где обитал Джек Лондон, но и разделяете некоторые его социально-политические взгляды. Поэтому, чтобы отрекомендовать себя, я скажу только одно: мне хорошо известны Ваши печатные труды (статьи и книги), и, хотя иногда они кажутся мне излишне темпераментными и несколько лишенными юмора,— Ваш общий взгляд на вещи мне весьма симпатичен. В частности, я знаю Вашу склонность к разоблачению некоторых политических явлений, и это, собственно, явилось для меня лишним поводом написать Вам настоящее письмо. Позвольте с самого начала сказать, что Вы вольны использовать его так, как сочтете необходимым.

В Ваших последних статьях, мистер Кан, вы выражали большое беспокойство по поводу одного явления, которое вызвало ожесточенные споры в масштабе всей страны. Я имею в виду нашу правительственную программу строительства убежищ для защиты от радиоактивных осадков. Вы резко осудили эту программу и, по существу, заявили, что программа эта несет в себе скорее угрозу нашему народу, чем способствует его безопасности. Я убежден, что Вы совершенно искренни в этом Вашем суждении и что Ваше негодование неподдельно. Но не посетуйте на меня за прямоту: Вы дали слишком много воли этому чувству, и, видимо, поэтому подлинная суть дела осталась для Вас нераскрытой.

Уверяю Вас, мистер Кан, Вы упустили из виду главное: подлинную цель, которая преследуется программой строительства убежищ, а также истинные побуждения, которыми движимы те, кто ей покровительствует. Я уверен, что если Вы подойдете к данной проблеме не столь пристрастно, Вы должны будете весьма решительно пересмотреть свои выводы. Я заранее предвижу некий условный рефлекс с Вашей стороны: может быть, Вам уже захотелось нетерпеливо отмахнуться от этого послания, как от болтовни какого-то выжившего из ума старикашки. Но прошу Вас — имейте терпение и выслушайте меня до конца!

Должен признаться, что и я сам раньше относился к программе убежищ примерно так, как и Вы: видел в ней нечто предосудительное и даже опасное — продукт «холодной войны» и атомной истерии. Я собрал целую гору фактов и документов, относящихся к программе; и чем дальше я их изучал, тем больше росло мое возмущение. Но вдруг — да, это случилось внезапно! — в моем сознании забрезжило нечто совершенно иное. Я начал понимать истинное значение программы строительства убежищ! Я не мистик, о, нет! Я горжусь тем, что умею мыслить разумно. Но бывают случаи, когда понимание какого-нибудь явления приходит к тебе как некое откровение. И, что примечательнее всего, это внезапное озарение было вызвано не каким-либо современным событием, а чтением одной знаменитой книги, написанной более двух столетий тому назад.

Дабы сразу стало ясно, в чем дело, я предлагаю Вам вспомнить этюд Джонатана Свифта «Скромное предложение, как избежать того, чтобы дети бедняков были обузой для родителей и страны». Свифт предлагал бедным людям Ирландии XVIII века такое решение: откармливать детей так, чтобы они становились жирными, а затем продавать богатым дворянам в качестве кулинарного деликатеса для их стола. Как известно, это творение Свифта причислено к классическим; и я еще помню, как профессор английской литературы в моем колледже сокрушался по поводу того, что наш век не создал сатириков, способных с такой силой иронии вскрывать и бичевать зло эпохи.

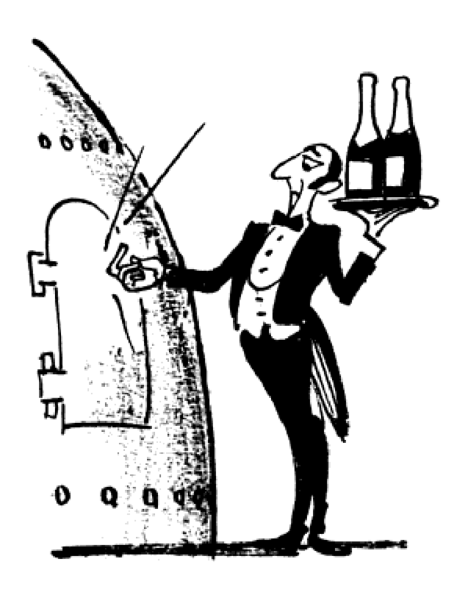
Хорошо, скажете Вы, но какое все это имеет отношение к программе строительства убежищ от радиоактивных осадков и вообще к Соединенным Штатам наших дней? Ответ предельно прост. Наша американская нация в одно прекрасное утро породила не одного, а целый сонм величайших сатириков, гений которых столь же неоспорим, как гений Джонатана Свифта! Кого я имею в виду, хотите Вы знать? Именно их, авторов программы убежищ, тех самых, с которыми Вы обошлись так жестоко.

Но я вижу выражение недоумения на Вашем лице. Неужели, думаете Вы, этот профессор Икс и впрямь считает, что вся история с убежищами затеяна не всерьез, а только для того, чтобы потешить публику — как некая грандиозная сатира? Да, мистер Кан, именно таково мое мнение, именно так представляется мне суть дела. А теперь, прежде чем Вы начисто отвергнете мою идею, позвольте мне задать Вам один вопрос. Как Вы думаете, Джонатан Свифт всерьез предлагал ирландцам продавать своих детей на мясо? Разумеется, нет. Он нарочно облек свое «Скромное предложение» в такую нелепую, нарочито варварскую форму, чтобы рассмешить людей и через смех заставить их подумать об ужасающих условиях жизни в Ирландии. Точно так же — я полностью убедился в этом! — и авторы программы строительства убежищ, эти талантливые сатирики, нарочно придумали подобную нелепость, чтобы американцы вдоволь посмеялись, зато более серьезно задумались над тем, что опасность ядерной войны можно устранить не убежищами и прочими безнадежными ухищрениями гражданской обороны, а только переговорами, соглашением, мирным урегулированием нерешенных международных вопросов.

Я, конечно, знаю, что и во времена Свифта были доверчивые люди, которые понимали его «Скромное предложение» буквально и возмущались великим сатириком. Точно так же и некоторые современные американцы — простите, я и Вас отношу к их числу — приняли программу убежищ за чистую монету. Но это нисколько не умаляет той глубоко человечной цели, которую поставили себе изобретатели и защитники программы убежищ. Наоборот, мне кажется, это лишь подчеркивает всю оригинальность и яркость их сатирического замысла.

Позвольте обратить Ваше внимание на некоторые простейшие факты. Должно быть, именно потому, что они так элементарны, Вы и некоторые другие совершенно упустили их из виду. Начнем с самого названия. Оно достаточно точно: убежище от радиоактивных осадков. Подразумевается, что это сооружение должно предохранять именно от вредного воздействия радиации, а отнюдь не от чего-либо другого. Но, как известно всем, в ядерной войне самые большие разрушения могут быть принесены самим взрывом бомбы и невероятным жаром от этого взрыва. Ученые

считают, что нынешние бомбы в тысячи раз мощнее той, которая была сброшена на Хиросиму. Я даже читал где-то, что для получения разрушительного эффекта одной современной ядерной бомбы надо было бы бомбу типа той, которая разрушила Хиросиму, сбрасывать ежедневно в течение десяти лет или более. Я, правда, не специалист в этой области, мистер Кан, но и мне понятно, что взрыв нынешней бомбы может полностью уничтожить все живое на сотнях и тысячах квадратных миль, а район, охваченный огнем пожаров, может быть еще больше — целые моря огня, огненные смерчи, бушующие по всей стране и все испепеляющие на своем пути. Иными словами, мне представляется, что убежища, о которых идет речь, могут представлять лишь одну практическую ценность: служить могилами или крематориями для своих обитателей.

Очевидно, авторам программы убежищ эти факты так же хорошо известны, как и нам с Вами, мистер Кан. Возможно ли в таком случае предположить, что они серьезно предлагают нам свою программу? Нет, они имеют в виду нечто совершенно иное!

Попробуйте вдуматься в цифровые расчеты, которые делают они сами, и Вы сразу почувствуете, какая веселая ирония вложена в программу. Я говорю о количестве мертвецов в результате ядерных бомбардировок. На одном из заседаний в конгрессе называлась цифра в пятьдесят и даже сто миллионов. По словам журналиста Стюарта Олсопа, не кто иной, как сам президент Кеннеди сказал лидерам конгресса, что ядерная война означала бы гибель по меньшей мере семидесяти миллионов американцев. А известный ученый эксперт Пентагона Герман Кан (я надеюсь, он не Ваш родственник?) отпускает шуточки насчет того, что в ядерном матче счет очков будет действительно идти на миллионы. В свете этой статистики я хотел бы отметить, мистер Кан, что Джонатан Свифт имел в виду, что ежегодно на бифштексы пойдет всего лишь сто тысяч детей. Поэтому, если рассуждать математически, мощь сатиры авторов программы убежищ превышает по крайней мере в несколько сот раз силу иронии Свифта.

У меня есть и другие неопровержимые доказательства того, что творцы идеи убежищ — незаурядные шутники. Как объясните Вы тот факт, что ни одна страна мира, кроме Соединенных Штатов, не имеет подобной программы? Может быть, Англия, Франция, Италия менее уязвимы для атомных ударов, чем США? Или, может быть, другим народам не хватает политического разума, каким обладают американцы, и они поэтому равнодушны к опасности ядерной войны? Или, наконец, европейцам, как и прочим неамериканцам, вообще не так дорога жизнь, как нам? Я заранее знаю, что Вы, мистер Кан, отбросите все эти предположения как не выдерживающие критики. Но как же тогда объяснить, что в этих странах нет убежищ от радиоактивных осадков? Объяснение можно найти только в особой национальной черте, свойственной нашему американскому характеру. Это — тонкое чувство юмора, способность подшучивать над самим собой, высмеивать наши собственные нелепости. Уморительно нелепая и явно бесполезная программа убежищ, рассчитанная на то, чтобы сделать всеобщим посмешищем нашу гражданскую оборону, могла возникнуть — и мы говорим об этом с гордостью — только в Соединенных Штатах!

Мистер Кан, я должен отдать должное нашему правительству: проводя кампанию за строительство убежищ, оно не жалело ни времени, ни денег. Только недавно президент Кеннеди сообщил, что он потребовал у конгресса дополнительно семьсот миллионов долларов на гражданскую оборону и, таким образом, довел общие ассигнования на это до внушительной цифры в один миллиард. Было объявлено, что львиная доля будет израсходована на «Федеральную помощь строительству убежищ от радиоактивных осадков в школах, библиотеках, больницах и других крупных зданиях по всей стране». Ну как не оценить по достоинству всю тонкость и изящество подобной иронии! Учреждениям, призванным лечить болезни и просвещать людей, наши сатирики заранее готовят роль кладбищ!

«Наша главная забота — создать коммунальные убежища,— заявил заместитель министра обороны Стюарт Питтмэн.— Мне кажется, что это наилучший способ использовать наши ресурсы и обеспечить благо нашего народа». Я беру на себя смелость утверждать — и, надеюсь, Вы согласитесь со мной, мистер Кан,— что Стюарт Питтмэн — один из самых обещающих наших юмористов: слово «коммунальные», которое обычно означает совместное жительство людей, он применил для того, чтобы обозначить места, где им надлежит совместно умирать.

Я не могу обойти молчанием и такой сатирический талант, как второй заместитель министра обороны Росуэл Гилпатрик. Вслушайтесь внимательно в то, что он сказал на пресс-конференции: «Строительство убежищ за счет государства вовсе не должно отбивать охоту у семей американцев сооружать убежища во дворах и подвалах за свой собственный счет». (Подумайте только, мистер Кан, каким было бы огорчением для американских семей, если бы у них кто-нибудь отбил охоту иметь фамильный могильный склеп во дворе собственного дома!)

Вершиной сатирического жанра следует признать две брошюры, изданные правительством: «Семейное убежище от радиоактивных осадков» и «Защита от радиации». В первой из них напечатан каталог портативных убежищ с обозначением их стоимости — степень надежности «защиты» определяется ценой. Ну не уморительно ли это, мистер Кан, посудите сами: право отца семьи на защиту детей от смерти ставится в прямую зависимость от размеров его текущего счета в банке! В другой брошюре, изданной в 200 тысяч экземпляров, мы встречаем такой перл юмористики: «Поскольку в убежищах во время атомной бомбардировки предметом первейшей необходимости явится вода, напоминаем: вода, содержащаяся в бачке уборной, пригодится для питья».

Я полагаю, мистер Кан, что приведенных мною доказательства достаточно, чтобы Вы признали мое открытие абсолютно неопровержимым: наше правительство решило превратить всю страну в грандиозные театральные подмостки, на которых разыгрывается блестящая сатира под названием «Программа строительства убежищ для защиты от радиоактивных осадков». И не приходится удивляться тому, что остроумное начинание правительства нашло столько талантливых последователей в самых разнообразных кругах нашего общества.

Вот, например, сфера бизнеса. Мне всегда казалось, что бизнесмены не отличаются большим чувством юмора и не очень склонны шутить. Но мне пришлось радикально пересмотреть свое мнение. В сатирическую кампанию неожиданно для меня включилось огромное количество банков, страховых компаний, строительных корпораций, проектных контор, продовольственных, мебельных и прочих фирм. Я не поклялся бы, что они делают это совершенно бескорыстно, но зато несомненно, что они искренне делают посильный вклад в великое искусство смешного. Подтверждение этому мы находим в «Нью-Йорк таймс»:

«Степень коммерческой активности в связи с расширением мер по гражданской обороне явно возросла.

...Бумажная фабрика в Пенсильвании выпустила два миллиона пакетов туалетной бумаги с текстом на тему «Что должен знать каждый на случай атомного нападения»...

...Завод патефонных пластинок в Калифорнии выпустил долгоиграющую пластинку, которая повторяет несколько раз песенку «Если упадет бомба». Затем мрачно оглашается текст инструкции о пользовании убежищем...

...Но наибольшее оживление отмечается в сфере строительства и продажи самих убежищ. Недавно вступила в дело «Юнайтед стейтс стил корпорейшн», предлагающая за 1 800 долларов набор конструкций для убежища на шесть персон. «Армко стил корпорейшн» готовит массовый выпуск чертежей убежищ для сорока строительных фирм...

...Многие банки предлагают кредиты под строительство индивидуальных убежищ...»

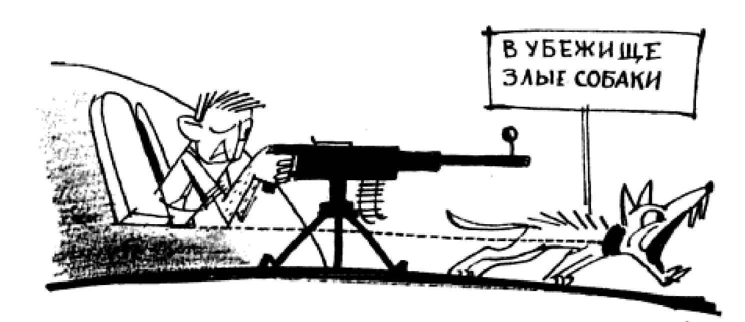
Здесь что ни шаг, то наталкиваешься на изумительные произведения сатирического жанра. Недавно на Центральном вокзале в Нью-Йорке я видел особенно впечатляющий образец. В одном из больших залов среди снующих взад и вперед пассажиров возвышалось новенькое сооружение из цемента. Внутри была одна комната с полной меблировкой — кроватью, умывальником, холодильником, платяным шкафом, полками для одеял и пр. Это была — да, да! — модель образцового убежища! На его стенке висел четко отпечатанный плакат, реклама фирмы, поставляющей для убежищ внутреннее оборудование. Я прочел: «Почему бы убежищу не быть комфортабельным? Все должно там выглядеть непринужденным, по возможности веселым и жизнерадостным по окраске. Зачем делать ваше убежище скучным, когда можно с большей приятностью и за те же деньги остаться в живых, находясь в стильном помещении?»

В тот же день целых две страницы «Нью-Йорк таймс» были отданы гигантской рекламе: один из самых фешенебельных универмагов Нью-Йорка предлагал готовые убежища с полным оборудованием. Тон рекламы был упоительно шутлив: «Мы рекомендуем вашему вниманию безукоризненно сконструированное, изготовленное по особому заказу убежище, которым вы можете с удовольствием пользоваться ежедневно, круглый год. Это — прекрасное до-

полнение к планам благоустройства вашего семейного быта; очаровательная комната, которая может служить рабочим кабинетом или гостиной».

Можно ли перечислить все блестки остроумия и юмора, рассыпанные по бесчисленным рекламам, посвященным программе убежищ? В «Вашингтон пост» напечатана фотография плачущего мальчика с надписью: «Мама,

где мое убежище: дома или в школе?.. Полную информацию по убежищам требуйте по телефону у Компании Гибсон». Бакалейная фирма предлагала портативную «патриотическую кладовую», заполненную всякими консервированными продуктами, расфасованными по рационам на случай сидения в убежище. Одна компания в Аризоне очень советовала владельцам убежищ запастись «комплектом закусок для гурманов с импортным жареным осьминогом и шампанским». Некий доктор Фрэнк Каприо, эксперт-психолог, работающий в компании «Убежище для жизни», оповещал заказчиков о том, что «самое главное для семьи — это гордиться своим убежищем так же, как они гордятся собственным домом».

И тут я снова спрашиваю Вас, мистер Кан: неужели Вы верите, что бизнесмены, публикующие подобные рекламы, говорят все это всерьез? Неужели не понятно, что люди с нормальным мышлением могут это делать только из желания повеселить своих ближних шуткой?

Я, разумеется, учитываю, что деловые люди занимаются продажей тех вещей, которые они рекламируют, и на этом неплохо зарабатывают. Но в конце концов прибыль — это общепризнанная цель свободного предпринимательства, и ничего зазорного в этом нет. Ценно, однако, другое: делая свой бизнес, эти люди одновременно помогают сатирическому разоблачению и осмеянию идиотской программы строительства убежищ. Чего же еще можно требовать от наших патриотически настроенных предпринимателей?

Но, пожалуй, наиболее мощная сатирическая струя бьет в тех сферах, где моральные принципы ценятся еще выше, чем в среде бизнесменов. Вы ведь знаете, мистер Кан, что мы живем в обществе, опирающемся на христианскую мораль. И кто из нас, вскормленных этим обществом, не помнит заповеди: «Люби ближнего, как самого себя»! Но что бы Вы сказали о человеке, который исповедует христианское учение и в то же время провозглашает: «Стреляй в соседа, чтобы спасти себя!»? Вы сочли бы его сумасшедшим, или дегенератом, или просто людоедом. Однако не торопитесь: есть и еще одна возможность. Вспомните: Джонатан Свифт тоже проповедовал людоедство, призывал: «Поедайте детей, чтобы спасти себя». Но, как мы уже видели, это было не более как сатира!

Давайте же рассмотрим с этой точки зрения лозунг «Стреляй в соседа, чтобы спасти себя!». Кстати, он возник как раз в связи с программой убежищ. Среди тех, кто его выдвинул, был — увы! — католический священник, некий отец Л. С. Мак-Хью, заместитель редактора иезуитского еженедельника «Америка». Под весьма броским заголовком «Этика у двери атомного убежища» святой отец поучал:

«Я не думаю, чтобы с точки зрения католической морали можно было бы осудить владельца убежища, который применил насилие, чтобы помешать вторжению охваченных паникой незнакомцев, орудующих ломом возле дверей... Не требует ли благоразумие, чтобы среди инвентаря убежища были также и средства защиты — например, револьвер? Не знаю, это решать вам самим. Но вот Кайес Двайр, главный инспектор гражданской обороны, утверждает, что христианская мораль не отрицает права человека защищать от нападения себя и свою семью».

Этот самый Кайес Двайр, на мой взгляд, просто выдающийся сатирик. В одном интервью в Лос-Анжелосе он сказал: «Если будут бомбить Лос-Анжелос, в ущелье Сан-Горджионио может скопиться до 150 тысяч беженцев. Они попытаются пробиться в сторону реки, чтобы захватить запасы продовольствия и воды». Вынув револьвер, Двайр добавил: «Имейте при себе такую игрушку и умейте пользоваться ею».

Но все это ничто перед сатирическим гением одного психолога из Ок-Риджа по фамилии Х. П. Хорт! В лекции, которую он читал инструкторам по борьбе с радиоактивными осадками, этот ученый муж заявил следующее: «Война будет. Вопрос только: когда?.. Я рекомендовал бы всякому, у кого есть убежище, запастись также ручным пулеметом... Я рекомендую стрелять во всякого, кто попытается ворваться в ваше убежище...»

Лавры Х. П. Хорта, видимо, лишили покоя обозревателя «Монтгомери Каунтри Сентинел» Дэйвида Соулла. И он высказал мысль, что те лица, которым не по средствам обзавестись собственным убежищем, видимо, и не заслуживают того, чтобы остаться в живых. Буквально это звучало у него так: «С чисто дарвинистской точки зрения не столь уж предосудительно, если бы, скажем, десять миллионов наших сограждан, тех, что сортом похуже, исчезли бесследно по причине их собственной неповоротливости и недостаточной воли к жизни».

Я надеюсь, Вы подтвердите, мистер Кан, что даже у Джонатана Свифта нельзя найти таких выразительных по своей разящей иронии строк!

Если у Вас и теперь, после такого обилия фактов, остается хотя бы тень сомнения в правильности и научности моего открытия, то позвольте привести еще одно доказательство. Всякая гениальная сатира действует с огромной силой и безошибочно. Таков же эффект и правительственной программы строительства убежищ. Миллионы американцев почувствовали на себе освежающую силу смеха, их словно встряхнула и разбудила нелепость разыгранного перед ними грандиозного сатирического спектакля. В Калифорнии газета «Сан-Франциско кроникл» провела опрос большого количества простых американцев на тему «Что вы думаете о программе строительства убежищ». Опрос показал, что 99 процентов опрошенных не имеют убежищ, а 90 процентов и не собираются ими обзаводиться. Около 70 процентов высказали мнение, что эта шумиха с убежищами есть зловредная и даже опасная затея, ибо, как выразился один из опрошенных, «это приводит людей к мысли, что ядерную войну можно кое-как пережить». Другие отвечали, что «деньги, расходуемые на убежища, с большей пользой можно было бы потратить на поддержку ООН и других организаций, отстаивающих мир». Собственно, те же мысли высказали и несколько тысяч студентов, направивших письмо президенту Кеннеди. Они писали: «Мы считаем, что взамен усилий по созданию убежищ нам следовало бы выдвинуть позитивную программу достижения мира в условиях свободы... Мы призываем Вас, мистер президент, разъяснить это всем и повести нацию вперед, по пути мира».

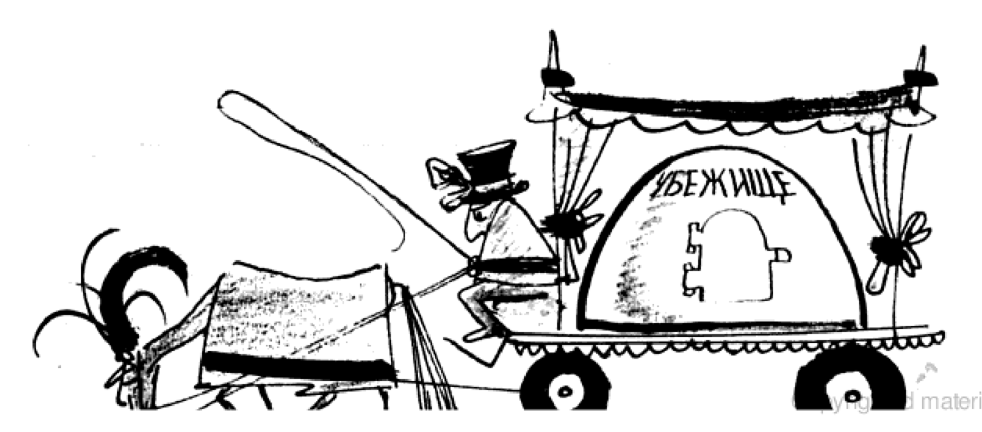
Мы совершили бы большую ошибку, мистер Кан, если бы не отметили выдающуюся услугу, которую президент Кеннеди оказал американцам, выступив в качестве покровителя «Программы строительства убежищ от радиоактивных осадков». Сатира сделала свое дело. Она насторожила американцев и раскрыла перед ними подлинные пути борьбы против угрозы ядерной катастрофы.

Будущие историки, я полагаю, воздадут должное президенту Кеннеди, назвав его величайшим сатириком своего времени.

С искренним уважением

профессор ИКС

Рисунки Ю. Черепанова.

«В мире есть социалистические страны и капиталистические страны. И живут они на одной планете. Мы стоим за то, чтобы между этими странами развивались нормальные торговые отношения, научные и культурные связи, заключались взаимовыгодные сделки и тем самым укреплялось то, что мы называем мирным сосуществованием».

Н. С. ХРУЩЕВ.

А. УЗЛЯН, Е. УМНОВ

Каждый день прибывают в нашу страну гости из-за рубежа. Это не только туристы. Это также и люди, ищущие деловых связей. Их интересует все: промышленность, строительство, культура, наука, искусство.

Немало дней провели мы на московских вокзалах и аэродромах, познакомились со многими интересными людьми, которые приехали в Советский Союз. И нам захотелось отправиться по их следам, поговорить с ними не в вокзальной сутолоке, а в более спокойной обстановке, располагающей к неторопливой, обстоятельной беседе.

Мы встречались с зарубежными гостями в институтах, театрах, на стройках, в лабораториях и всем задавали один вопрос: что привело вас в Советский Союз? Какова цель вашей поездки?

Вот что они ответили.

Джек М. МАТЛОВ,
врач. США.

— Мне здорово повезло. Я, молодой врач, попал в Москву. Мой профессор, Ральф Детерлинг из Бостона, сказал мне: «Джек, у доктора Демихова вы многому научитесь, многое увидите, поезжайте в СССР». И вот я в лаборатории по пересадке органов в Институте имени Склифосовского. Доктор Демихов ставит удивительные эксперименты.

Обязательно запишите, что я очень хорошо себя чувствую в Москве!

На снимке: Джек М. Матлов и В. П. Демихов.

Сол ЮРОК,
импрессарио. США.

— Цель моего приезда в Москву? О, начнем с того, что я очень доволен результатами своих переговоров в Министерстве культуры. Дела идут хорошо. Новое соглашение между Советским Союзом и Соединенными Штатами об обмене и сотрудничестве в области науки и техники и культуры на 1962—1963 годы — это великолепно!

Мне хочется назвать это не официальным соглашением, а договором о дружбе между нашими народами. Я уверен, что мы будем дружить.

Американцы уже полюбили танцоров из ансамбля Моисеева, очаровательную «Березку» и балет Большого театра. И теперь я с радостью представлял нашим зрителям артистов Государственного ансамбля Украины. Осенью к нам в гости снова приедут великолепные танцовщики вашего Большого театра.

На снимке: Сол Юрок (в центре), главный балетмейстер Большого театра СССР Л. М. Лавровский (слева) и заместитель директора ГАБТ Н. М. Алешенко.

Фанни ЛАКУР,
руководитель лаборатории Института по изучению рака. Франция.

— Я в Советском Союзе уже второй раз. С того момента, как я приезжала впервые, прошло четыре года. За это время я побывала в лабораториях США, Англии, Голландии и Италии. И вот снова работа в Москве, в лаборатории Института эпидемиологии и микробиологии Академии медицинских наук. Поражает размах и новизна методов научных исследований. Я благодарна всему коллективу лаборатории за ту простоту и легкость, с которой они приняли меня в свой коллектив. Мне хочется сказать моим коллегам: «Спасибо!»

Это слово мадам Лакур произносит по-русски.

На снимке: Фанни Лакур и профессор Л. А. Зильбер.

Марио ПАЛАНЦА,
представитель фирмы Сантандреа Новара. Италия.

— Большая группа крупнейших итальянских фирм много лет ведет торговлю с Советским Союзом.

Текстильные машины фирмы Сантандреа Новара широко известны на мировом рынке. Наша фирма, безусловно, заинтересована в развитии деловых связей с Советским Союзом.

Участие в итальянской промышленной выставке помогло нам установить более тесные деловые контакты с внешнеторговыми советскими организациями.

Самбен УСМАН,
писатель. Сенегал.

— Я хочу, чтобы весна моей страны осталась в памяти у народов Африки. Для этого наши сегодняшние будни и праздники нужно запечатлеть на кинопленке. Но у нас еще нет национальной кинематографии. И я приехал к вам, чтобы поучиться у

ДЕЛО

Я должен заметить, что наш высокий гость Никита Сергеевич Хрущев очень правильно сказал о необходимости развивать деловые и культурные связи между нашими народами. Я, как и все мои друзья в Италии, полностью согласен с тем, что лучше торговать, чем воевать.

Запишите, пожалуйста, что я очень горжусь личным знакомством с премьером Советского государства господином Хрущевым, и эту фотографию я помещу в моем доме на самом видном месте.

На снимке: Н. С. Хрущев на открытии итальянской промышленной выставки.

советских мастеров их искусству. На родине мне придется сначала все делать самому: писать сценарии, ставить и снимать фильмы. Потому-то вы и застали меня в павильоне Студии имени Горького. Я надеюсь, что скоро вы увидите фильмы Сенегала.

На снимке: ассистент оператора В. Окунев показывает Самбену Усману советскую кинокамеру.

ДАМДИН ДАРЬ,
артист цирка. Монголия.

— Цирк любят везде. А в Монголии особенно. И у нас высоко ценят советскую школу циркового искусства. Несколько лет назад наша молодежь приехала учиться в Москву, в училище циркового искусства.

Я много раз видел советских артистов на арене. Это замечательно! Наше учение подходит к концу. Мы занимались у педагогов, которые постарались передать нам все свое умение. И все же, я считаю, нам нужно еще очень много работать, чтобы достичь уровня советских мастеров.

На снимке: Н. Э. Бауман, преподаватель Московского училища циркового искусства, с молодежью Монголии.

Карлос ФАРИНЬЯС,
композитор. Куба.

— Побывать в Советском Союзе — моя давняя мечта. Я не представлял себе своей дальнейшей творческой работы без тщательного изучения русской музыкальной культуры. Вот почему я приехал в вашу страну.

Сейчас я работаю над прелюдиями для фортепьяно, в которых будут использованы народные мелодии моей родины. Я нахожу полное понимание у друзей в Москве, они исполняют все мои желания, связанные с изучением советской музыки.

На снимке (справа налево): профессор В. Г. Фере, Карлос Фариньяс и преподаватель А. И. Пирумов.

Рафаэль ВИДАЛЕС,
хормейстер. Чили.

— Мы привезли вам песни народов Чили. У нас нет официальных контактов с вашими концертными организациями, и никто не отправлял нас в вашу страну. Мы ведь даже не профессиональные певцы, хотя наш хор — «Пабло Видалес» — создан более двадцати лет назад.

Мы педагоги и студенты Чили, но мы любим музыку и занимаемся ею в свободное время. Нам давно хотелось побывать в Советском Союзе. Вот мы и воспользовались своими каникулами и на собственные сбережения приехали к вам. Конечно, нам было не так уж легко это сделать: мы не богаты. Но все наши тяготы с лихвой окупились тем радушным приемом, который нас встретил в Москве.

На снимке: хор «Пабло Видалес» выступает в Московском театре эстрады.

Ато Кеббеде ДЕСТА,
профессор. Эфиопия.

— Я преподаю московским студентам язык моей родины — амхарский. Работа в Институте восточных языков при Московском университете доставляет мне большое удовольствие: студенты очень добросовестны и упорны, они уже читают и пишут на моем родном языке. В Москве я и сам стал прилежным учеником: с увлечением осваиваю русский. Я считаю, что взаимное изучение языков очень поможет развитию дружбы между нашими народами.

На снимке: Ато Кеббеде Деста читает лекцию в Институте восточных языков.

ВОЙ ВИЗИТ

СЕМЬ ЧУДЕС

Рассказ

НАВТЕДЖ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Да, именно далеко от истоков цивилизации,— повторил Раджиндар понравившуюся ему фразу.

Местечко, куда он приехал отдохнуть на две недели с семьей, было на редкость живописно; здесь их ждало полное одиночество, полное избавление от сутолоки городской жизни, сюда не приходили даже газеты.

— Ну, теперь завтракать мы будем только молоком! Да, да, не удивляйся, молоком, хлебом да еще маслом, таким же свежим, как твои губы, дорогая, — сказал Раджиндар, глядя с нежностью на Лилу, свою жену.

В этой горной деревушке не было ни железной дороги, ни трамваев, ни лавочек, где продавалось бы мороженое, отливающее снежным блеском, — вершины окрестных гор были покрыты искрящимся, ослепительным снегом. Здесь не было ни дверного колокольчика, ни ежеминутных телефонных звонков, ни политической трескотни. Тишину нарушала лишь горная речушка, которая весело бежала, напевая свою нехитрую песенку.

— Моя Беатриче! — сказал Раджиндар, слегка наклонив голову.

Когда радость переполняла его, он называл жену именем возлюбленной великого Данте.

— Беатриче! — повторил он и тут же подумал, что в этой глуши его не настигнут письма от кинокомпаний с требованием срочно выслать тексты новых песенок, что его не будет мучить ни один редактор — он попросту может не отвечать на письма.

— Беатриче, здесь мы будем наедине с природой, с чистой, вечной природой! Мы будем взбираться, как лани, на эти склоны и вдыхать аромат горного воздуха.

Глаза Лилы светились счастьем, но Раджиндар не замечал этого: он думал, что слова, только что сказанные им, напоминают строки очень красивого стихотворения, которое он где-то слышал. А что, если перевести это стихотворение и опубликовать перевод? Это принесет ему солидную сумму. «Поэзия — щедрый дар!» — подумал он с гордостью. Ведь расходы, связанные с такой дальней поездкой всей их семьи, можно возместить, надев словесный покров на один только горный ручеек. И песенку будут петь везде: в кинофильмах, на радио, потом запишут на пластинку... Раджиндар начал уже напевать мотив.

— Моя Беатриче, надень сегодня наряд, в котором ты так похожа на возлюбленную Данте. Помнишь, мы видели ее изображение? Оставь детей дома, пусть няня присмотрит за ними, а мы отправимся на прогулку. Как прекрасен вечер, как чист и прозрачен воздух! Посмотри на облака — они скрывают заходящее солнце. А вон там, налево, притаилась маленькая рощица. Ты знаешь, она похожа на белый, нерифмованный стих! Я часто сравнивал белые стихи с диким лесом, а рифмованные — с возделанным садом.

Раджиндар тут же про себя отметил, что эту мысль очень уместно высказать в какой-нибудь лекции или в статье под названием «Как я пишу стихи».

— Я много путешествовал, — продолжал он. — Говорят, что на свете существует семь чудес. Некоторые из них мне удалось увидеть: римский Колизей, башню в Пизе, Великую китайскую стену и еще что-то, но сейчас я чувствую, что зря скитался столько времени по белу свету. Нет в мире прекрасней зрелища, чем двое влюбленных — Данте и Беатриче — в объятиях этих чистых, девственных гор. Не правда ли, моя Беатриче? — сказал он, целуя Лилу.

Окно было открыто. Из него виднелись три сидящих неподалеку от дома фигуры: Расилу, его жены Чамбели и их маленькой дочки Мунни. Лила отстранилась от мужа: эти трое людей могли их видеть! Но Раджиндар привлек ее к себе.

— Они дети природы, — сказал он. — Их незачем стесняться! Разве тебя смущают деревья в лесу, камни или цветы? Ничто не может глубоко поразить этих людей. Даже если кто-нибудь покажет им все семь чудес света, то и в этом случае мирное течение их жизни не будет нарушено. Ах, какую завидную жизнь ведут они! Поистине это чудо из чудес!

Цветок, росший под окном, напоминал своей окраской светлую кожу горной красавицы. Раджиндар протянул руку, чтобы сорвать его, но удержался и сказал, обращаясь к цветку:

— Ах, ты, словно чье-то нежное ушко, подслушиваешь наш разговор! Берегись! Ты заметила, дорогая,— продолжал он, повернувшись к жене,— что в Бомбее, да и в других городах облака проплывают высоко над домами, а здесь они запросто, словно дети, вбегают в простые хижины всех этих Расилу и Чамбели. И жизнь наша так же далека от природы, как далеки от нас, жителей города, облака. Разве можно назвать беднягами этих простых людей — ведь их жизнь слита с природой!

Раджиндар снова поцеловал Лилу, но на этот раз несколько рассеянно, ибо мысли его витали далеко: какая превосходная идея — написать стихотворение и обыграть контраст между высокими домами и скромными хижинами!

Лила закрыла окно. Ее все-таки смущало присутствие посторонних людей.

Недалеко от дома, где остановилась семья Раджиндара, сидели Расилу, Чамбели и Мунни.

В. М. Примаков.

КАЗАЧИЙ НАЧДИВ

В начале декабря 1919 года на подступах к Харькову походная колонна второго Червонно-казачьего полка, медленно продвигавшаяся по непролазной грязи под мокрым снегом и дождем, подверглась неожиданной атаке со стороны деникинской конницы. В атаку шло около трех полков терской казачьей дивизии. Кавалерия противника превосходила красных не только числом. Белые шли в атаку на свежих конях, недавно выступивших в поход. Красные же казаки длительное время находились в рейде по тылам врага, делая ежедневно большие переходы по бездорожью. Белая конница начала преследование. Путь отступающим пересекала небольшая река. На единственном узком деревянном мостике возникла давка, несколько пулеметных тачанок сосредоточилось у берега. Другие безуспешно пытались форсировать реку по хрупкому, ломающемуся льду. Еще немного, и деникинская конница, используя панику, начнет рубить. Но вот появляется комендантская сотня, сопровождающая полевой штаб 8-й Червонно-казачьей дивизии, возглавляемой начдивом Виталием Марковичем Примаковым. Спешившись, начдив неторопливо закурил. Пререкавшимся у моста пулеметчикам он приказал выставить тачанки рядом с ним на берегу и приготовиться к бою. Когда деникинцы приблизились на сто метров, по команде Примакова все тачанки открыли шквальный огонь. Первые ряды всадников и вырвавшиеся вперед офицеры были скошены. Атака захлебнулась.

В революционное движение В. М. Примаков вступил еще юношей. В феврале 1915 года в Чернигове была арестована группа со-

СВЕТА

Для них действительно было безразлично, открыто окно или нет, — они были погружены каждый в свои мысли. Вчера в их жизни произошло такое важное событие: впервые в эту деревню приехали люди, живущие там, где нет гор, на берегу моря. Расилу сам переносил вещи приезжих и отдал им свой дом, самый лучший в деревне. Его жена Чамбели мыла для них посуду и носила воду.

«Сколько вещей привезли эти люди с собой, а ведь приехали они всего на две недели!» — размышлял Расилу. Как тяжелы были тюки, которые он тащил, — у него до сих пор ныли плечи! А когда Расилу узнал, что в этих узлах нет ничего, кроме двух больших и двух маленьких постелей, как же он тогда удивился! Подумать надо, привезли только постели! Вот бы узнать, какие сны снятся людям на таких постелях!

Он сам и его семья спали на соломе, а покрывались старым, рваным одеялом, единственным на всю семью. Когда же в зимние холодные ночи они топили печь, дым обволакивал их, как покрывалом, разъедал глаза.

Расилу закашлялся — он словно ощутил во рту этот горький дым. Он кашлял, а сам думал о той фее сна, которая будет баюкать приезжих, когда они улягутся на своих мягких постелях.

Чамбели думала о приезжей госпоже... Эта госпожа не кормила своего маленького ребенка грудью, она привезла с собой няню, и няня ухаживала за ребенком и поила его в нужное время молоком. А госпожа даже хлеб не пекла сама... Интересно, что делала весь день эта красивая госпожа? И похожа она была на свежий, нежный цветок — если пройти мимо, чувствуешь чудный запах! Неужели госпожа пришла в этот мир только для того, чтоб благоухать?

Самое Чамбели назвали по имени ароматного цветка — жасмина. Но от нее, Чамбели, не исходил аромат, она пахла навозом, стоячими водами рисовых полей. Работы у нее было так много, а мыла так мало, что уж очень давно она не стирала своей одежды, и ее изъеденные дымом глаза стали похожи на увядшие цветы. А было время, когда глаза ее походили на свежие бутоны. О, она хорошо помнила, какая в молодости у нее была красивая походка, и как однажды утром она купалась в речке, укрытой шалью камышей, и разглядывала свое тело, и как вдруг пришел Расилу!.. Ах, если бы вернуть тот миг, когда она действительно была похожа на ветку распустившегося жасмина, и тело ее, чистое и нежное, сверкало в воде, как камушки на дне горной речки!.. Как недавно все это было!.. Потом у нее родилось трое детей. Двоих мать-богиня взяла себе, оставив ей маленькую, Мунни.

Но больше всех была взволнована и удивлена Мунни. На своем коротком веку она видела немного, но мать часто рассказывала ей о феях и злых духах, о тех чудесах, какие они проделывают с людьми. Однако чудо, которое она увидела сегодня, потрясло ее сильней всего.

Старшая из двух приезжих детей была одних лет с Мунни. Няня сегодня поила ее молоком. Но приезжая девочка почему-то не стала пить молоко. А уж как няня упрашивала ее!

— Выпей, пожалуйста, этот стакан, и тогда я посажу тебя на плечи... сорву этот красненький цветочек... Поймаю вон ту бабочку...

Перед девочкой стоял стакан молока, но она даже не притронулась к нему. Она толкнула стакан, и молоко пролилось на землю. Тут подбежал худой пятнистый щенок и вылакал его.

У Мунни даже в горле защекотало. Она вспомнила, как год назад отец ее долго болел и мать принесла для него молоко. Мунни так хотелось попробовать молока, но мама просила ее не притрагиваться к нему, оставить для больного отца. Только тогда глаза мамы были полны слез, а сейчас глаза няни совсем сухие...

«Как можно отказаться от молока?» — думала Мунни. Если б рядом никого не было и не подбежал бы как назло этот пятнистый щенок, то она, Мунни, выпила бы пролитое на землю молоко.

И детские глаза пристально разглядывали эту чужую, упрямую девочку, пролившую молоко, и во взгляде Мунни отразилось такое безмерное удивление, какое, наверно, испытает человек, если сразу ему показать и римский Колизей, и Китайскую стену, и все, все семь чудес света.

Перевела с пенджаби
Н. ТОЛСТАЯ.

циал-демократов, большевиков. Среди них был гимназист Виталий Примаков. Выступая на суде в Киеве, он заявил: «Да, мы распространяли листовки, но мы не считаем это нашей виной. Мы ставим это себе в честь и заслугу перед народом». Из Киева в село Абан, Красноярского края, молодой Примаков прошел по этапу, закованный в одни кандалы с ныне здравствующим большевиком Марком Темкиным.

Февральская революция освобождает Примакова из сибирской ссылки. Он становится солдатом 13-го запасного полка в Чернигове. Вскоре солдаты посылают его делегатом на Второй съезд Советов. В дни Октября делегаты голосуют не только мандатами, но и оружием. Участник штурма Зимнего дворца двадцатилетний Примаков возглавил отряд красногвардейцев из рабочих паровозоремонтного завода. После победы Октября Яков Михайлович Свердлов направляет избранного членом ВЦИК Примакова в Харьков. Здесь в декабре 1917 года В. М. Примаков организует боевой отряд червонных казаков, выросший впоследствии под его руководством в конный корпус червонного казачества.

Осенью 1919 года отборные офицерские части Деникина рвутся к Москве. Пал Орел. Возникла угроза Туле. Для отпора деникинцам по указанию В. И. Ленина создается ударная группа войск. Из-под Чернигова в эту группу была переброшена бригада червонных казаков. Более месяца длились ожесточенные бои на полях Орловщины. В штаб ударной группы прибыли командарм Иероним Уборевич и член Революционного военного совета Серго Орджоникидзе. На совещании командиров частей, входящих в ударную группу, В. М. Примаков выдвинул смелый план: силами латышской стрелковой дивизии прорвать фронт деникинцев, все кавалерийские части объединить и направить в рейд по тылам противника. Уборевич и Орджоникидзе одобрили этот план.

Второго ноября латыши прорвали фронт. За тридцать семь часов в стужу и буран червонные казаки, с приданными им другими кавалерийскими частями, под общим командованием Примакова проникли в расположение врага на сто двадцать километров и захватили в тылу у деникинцев Фатеж и станцию Поныри.

После окончания гражданской войны В. М. Примаков работал военным советником в войсках революционного Китая.

Опыт этой своей деятельности он осветил в книге «Записки волонтера лейтенанта Генри Аллена». О своей последующей работе военным атташе он рассказал в книге «Афганистан в огне». После Афганистана он был военным атташе в Японии, затем заместителем командующего войсками Северо-Кавказского военного округа и, наконец, заместителем командующего войсками Ленинградского военного округа.

Жизнь талантливого полководца-самородка оборвалась трагически: он стал жертвой репрессий, порожденных культом Сталина.

Советский народ свято чтит память своего героя. Одному из лучших парков Киева присвоено имя В. М. Примакова. Воды Днепра бороздят пароходы «Червонный казак» и «В. М. Примаков».

С. Л. ЛОЗОВСКИЙ,
ветеран червонного казачества.
Е. П. ЖУРАВЛЕВ,
генерал-лейтенант в отставке.
А. Д. ВЕТОШКИН,
генерал-майор в отставке.

П. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

Фото Н. Козловского.

Если вам довелось ранним утром побывать на киевских улицах, вы непременно обратили внимание на одну очень характерную особенность: улицы запружены молодежью. Молодежь на тротуарах, в трамваях, в троллейбусах, в метро, в вагонах электричек, отовсюду спешащих к Киеву. Молодежь растекается по заводам, институтам, лабораториям, учреждениям. Впечатление такое, будто в этом городе живут и работают только люди, которым двадцать, от силы тридцать. О них и будет речь.

Вот посмотрите на снимок — идет операция. Ее делает кандидат медицинских наук Дмитрий Николаевич Коваль. Молодой хирург работает сейчас над докторской диссертацией «Хирургия магистральных сосудов». Если объяснить поподробнее — хирургия магистральных сосудов, пораженных артериосклерозом, путем их замены синтетическими — нейлоновыми, капроновыми и т. п. Еще вчера это казалось фантастикой. Сегодня — научная реальность.

— Больному впрыскиваем в кровеносный сосуд контрастирующее вещество,— объясняет Дмитрий Николаевич Коваль,— делающее сосуды видимыми для рентгена (появилась уже новая отрасль медицины — артериография), находим таким образом пораженный участок, удаляем этот отрезок сосуда и ставим искусственный.

Александр Шульженко — один из участников разработки технологии производства искусственных алмазов. Итак: алмазы не только якутские, но и киевские!

До сих пор алмаз считается высшим продуктом совершенства и могущества стихийных сил природы. Он возник в земных недрах при невероятных давлениях и высочайших температурах, он рождался в вулканических жерлах, забитых раскаленной магмой, рождался во время гигантских взрывов, силой своей раскалывающих целые горы. Получить искусственные алмазы означало сконструировать нечто напоминающее самодельный вулкан. Температура тысячи градусов, давление сотни тысяч атмосфер. Эти сотни тысяч надо было не только получить, а удержать их, направить, использовать эту страшную силу так, чтобы из кусочка обыкновенного графита родились крупицы алмазов. Это сделали ученые, техники Украинского научно-исследовательского института синтетических сверхтвердых материалов и инструментов. Среди них — инженер Александр Шульженко.

Вот он ловит пинцетом крупицу рукотворного алмаза. Алмаза, произведенного на тихой окраине Киева. Алмаза, рожденного не в отдаленные эпохи геологических катастроф, а в нашу эпоху, эпоху коммунизма.

Позавидуем этому молодому киевскому инженеру доброй человеческой завистью. Как Гагарин, первым поднявшийся в космос, как физик, открывший новую элементарную частицу, как океанолог, обнаруживший подводный хребет, Александр Шульженко вместе со своими товарищами первым в стране сумел обуздать титанические силы природы и положил начало такому преобразованию элементов, о котором не могли мечтать никакие алхимики.

...Директор Института электросварки имени Е. О. Патона Академии наук УССР, сын прославленного ученого, Борис Евгеньевич Патон прекрасно понимает, как нужен молодой задор в науке. Ведь он сам еще совсем молодым уже был автором ряда выдающихся научных работ по электросварке. К сорока годам Б. Е. Патон стал лауреатом Ленинской премии, а этой весной на общем собрании Академии наук Украинской ССР он был избран президентом академии,— поистине прекрасный выбор украинских ученых!

Институт электросварки населен молодежью. Тут каждый дерзает. Каждый мечтает об открытиях. Посмотрите на верхний снимок разворота вкладки, где академик Б. Е. Патон беседует с молодым инженером Анатолием Владимировичем Кужелем. Кужель похож на студента-первокурсника: так он молод в сравнении с молодым президентом. Но этот юноша уже принимал участие в разработке новейшего способа сварки. И вот в лаборатории электронно-лучевой сварки идет подготовка к проверке последних исследований. Президент Академии наук советуется с молодым инженером!

...Если вы побываете на Киевском комбинате искусственного волокна, у вас наверняка сложится впечатление, что здесь работают только юные. 550 молодых рабочих этого комбината учатся в вечерних техникумах и институтах, и среди них Светлана Кассаева, которую вы видите на среднем снимке нашей вкладки.

...Зайдем в здание института «Киевпроект», стоящее в самом центре Крещатика, зайдем в это здание, населенное молодыми архитекторами и проектировщиками, в здание, где все коридоры забиты шкафами с чертежами, где в архитектурных мастерских шуршат ватман и синьки. Откроем дверь в первую попавшуюся комнату, и мы увидим такую картину: перед развешанными на стене планами идет спор, касающийся новых проектов.

Здесь имеет жительство железобетонная муза зодчества. Отсюда начинают свое путешествие все будущие киевские дома. За последние десять лет в Киеве построено столько же квадратных метров жилья, сколько было сооружено за все существование нашего города.

Поразбежались массивы новых домов далеко от старой городской черты. Дарница, Чоколовка, хутор Отрадный и хутор Нивки, массивы Первомайский и Русановский, тысячи домов, десятки тысяч квартир, молодые деревца, зеленые, просвеченные солнцем лужайки, дети на траве...

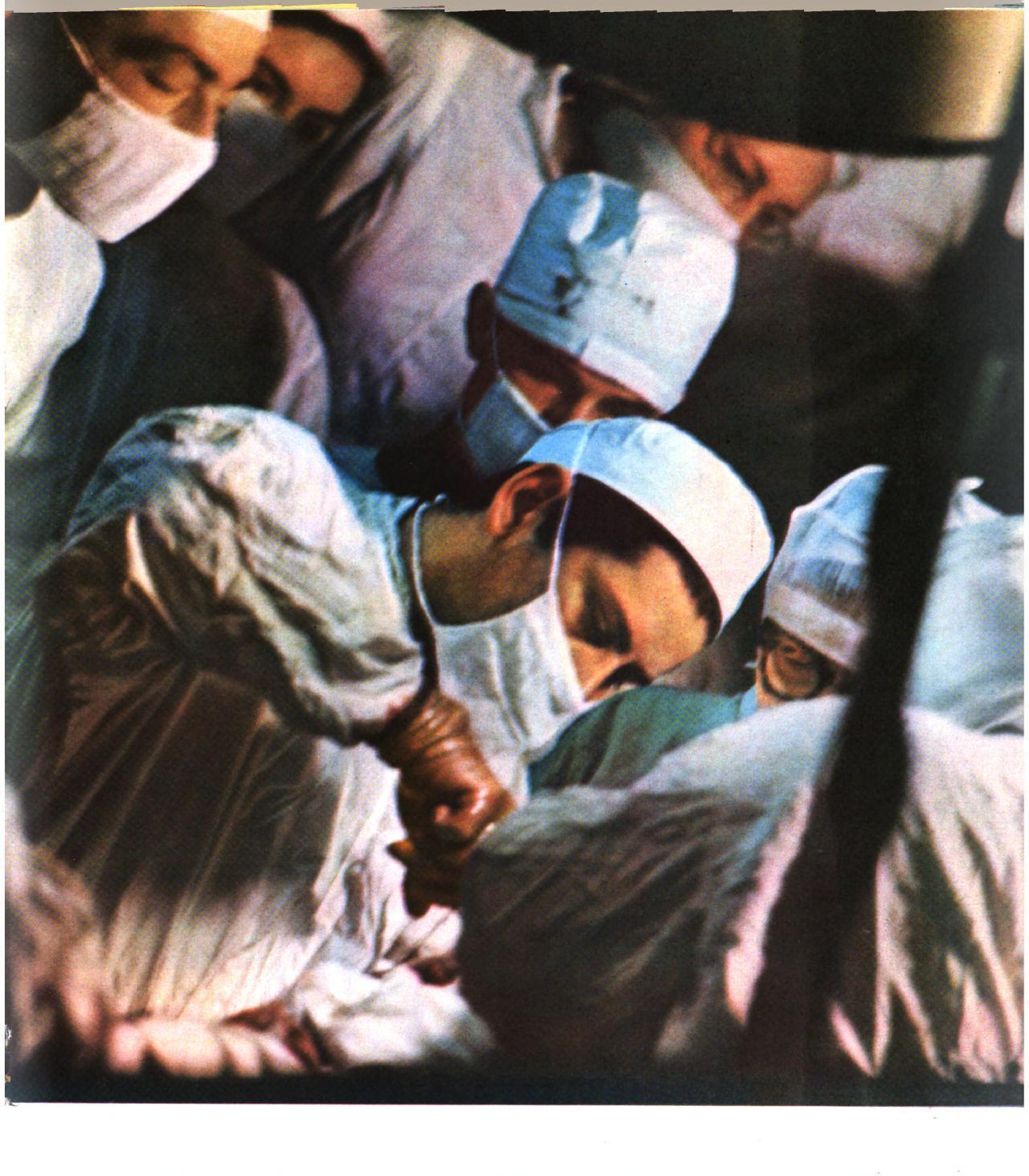
Мы научились восхищаться машинами, сложными механизмами, ракетами, несущими в загадочные просторы вселенной советские космические корабли. Но, к сожалению, мы не всегда умеем восхищаться людьми, сотворившими эти машины как продолжение рук своих, воли своей, мысли и мечты своей.

Приятно и радостно становится на душе, когда знакомишься с миром молодых советских ученых! Как правило, в новые отрасли науки приходит у нас молодежь.

Посмотрите на эту тоненькую девушку у пульта электронной машины. Это лаборатория отдела аналоговых вычислительных машин Вычислительного центра Академии наук УССР. Перед вами работники этой лаборатории: техник Татьяна Волченкова, комсорг отдела физик-механик Петр Романчук и физик-механик Юрий Якубчик. Здесь трудятся над машинами — друзьями человека, его помощниками. Одна из таких машин год назад отсюда, из киевского вычислительного центра, руководила плавкой металла на металлургическом заводе. Машина мгновенно производила расчет шихты, внимательно следила за температурным режимом печи и поддерживала его в пределах требуемой нормы, производила необходимые анализы, давала приборам, установленным на печи, все необходимые команды. Скоро наше народное хозяйство получит новые интересные и очень полезные вычислительные машины.

...Теперь мы должны объяснить происхождение заголовка «Молодость, движение...». Признаемся, нам его подсказал снимок на последней странице вкладки. Это танцует заслуженная артистка Украинской ССР, солистка Киевского театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко Валентина Калиновская. Вот уж поистине молодость и движение!

МОЛОДОСТЬ,

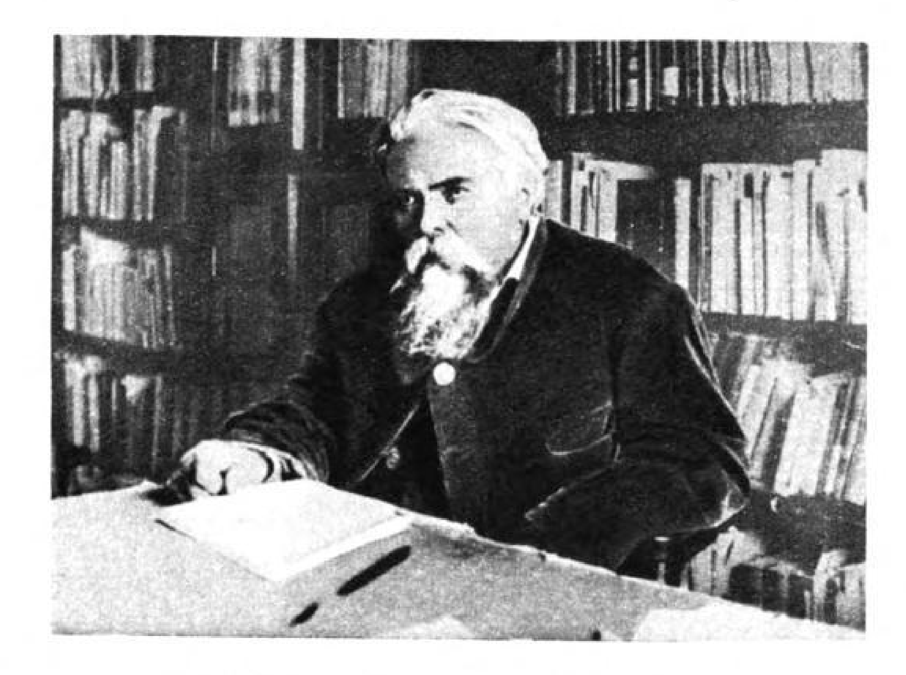

ДВИЖЕНИЕ...

Николай Александрович Рубакин. 1862—1946

НАРОДНЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Профессор А. Н. РУБАКИН

Сто лет назад, 13 июля 1862 года, в Петербурге родился писатель Николай Александрович Рубакин. Ныне его помнят только люди старших поколений, которые учились по его книжкам. Знают его и все библиотекари Советского Союза, потому что Н. А. Рубакин был, вероятно, первым и крупнейшим теоретиком библиотечного дела, одним из крупнейших русских библиографов. А молодежь уже мало знает о нем. На третьем съезде писателей в 1959 году Н. С. Хрущев добрым словом вспомнил имя Н. А. Рубакина как очень уважаемого писателя.

Рубакин написал для народа 338 научно-популярных книг по всем отраслям знания. Особенно широко известны его книги «О великих и грозных явлениях природы», «О первых людях, которые появились на земле», «Среди тайн и чудес» и десятки других. Рубакин говорил: «Нет такой научной истины, даже самой сложной, которую нельзя было бы изложить так, чтобы ее понял даже малограмотный человек. Надо только суметь это сделать».

Книжки Рубакина еще до революции разошлись в России в количестве 20 миллионов экземпляров. Насколько они ценились читателями из народа — рабочими и крестьянами, можно судить по тому, что в первые же годы после Октябрьской революции их переиздавали миллионными тиражами и ВЦИК, и Московский, и Ленинградский Советы.

Николай Рубакин родом из старообрядческой крестьянской семьи Псковской губернии. Он всю жизнь работал целеустремленно, чтобы дать знания народу. Для этого он учился языку у народа. Он выработал свой, «рубакинский» язык, понятный самому малограмотному читателю, рабочему или крестьянину. Они не только читали книги Рубакина, но и писали ему, просили у него совета, что и как читать. Так от писания книжек для народа — по ботанике, зоологии, геологии, математике, философии, географии — Рубакин перешел к изучению читателя из народа. Он создал стройную и оправдавшую себя систему самообразования, разработал теорию чтения, теорию книги, назвав ее библиопсихологией. От разработки индивидуальных программ чтения он перешел к разработке и составлению рекомендательных каталогов, от комплектования — к теории библиотек. Он изучал книги, язык и психологию авторов, психологию читателей. Так родилась его теория взаимоотношений книги, автора и читателя.

Рубакин написал немало книг по самообразованию, в которых объясняет читателю, не имеющему возможности учиться в школе (а в царской России таких было большинство), как он может приобрести знания. Произведения Рубакина «Письма к читателям о самообразовании», «Практика самообразования» известны были тысячам рабочих и крестьян. Они часто писали Рубакину как своему учителю.

С Николаем Александровичем лично переписывались тысячи читателей. Эта переписка дала ему огромный материал для изучения интересов, запросов, классификации читателей. А разработка индивидуальных планов чтения и самообразования завершилась капитальным библиографическим трудом, который высоко ценил В. И. Ленин и в котором он сам принимал участие,— «Среди книг» — описание и анализ свыше 20 тысяч книг по всем отраслям знания и литературы.

Вот что писал В. И. Ленин об этом труде: «Нечего и говорить, что издание подобного типа представляет громадный интерес и что план автора, в общем и целом, вполне верен... Автором и его многочисленными сотрудниками, названными в предисловии, затрачен громадный труд и начато чрезвычайно ценное предприятие, которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь».

Рубакин не только писал книги, но и собирал их. Он увеличил полученную от матери библиотеку, довел ее до 120 тысяч томов. Когда отцу пришлось в 1907 году бежать от царской полиции за границу, он передал библиотеку Нарвскому рабочему просветительскому обществу в Петербурге.

Другую свою библиотеку, бесценную по составу, Рубакин создал уже в Швейцарии, в эмиграции. Там было около 110 тысяч томов. Книги отец любил до безумия. Еще в юности он написал девиз: «Да здравствует книга, могущественное орудие борьбы за истину — и справедливость!». Книгами была завалена вся его квартира — столовая, коридор, кухня. Под кроватью и на ней лежали книги. Книги отец получал бесплатно отовсюду. Ему присылали писатели, Всесоюзная книжная палата, ВОКС. Ему завещала свою библиотеку Наталья Александровна, дочь А. И. Герцена, член I Интернационала швейцарец Броше... Отец почти никогда не покупал книг — на это у него не было денег. Но книги сами текли к нему отовсюду. Он даже не удивлялся, считал это вполне естественным. «К кому же должны идти книги, если не ко мне?» — говорил он. Швейцарскую свою библиотеку он завещал Ленинской библиотеке в Москве, где она целиком и находится в настоящее время. Все его книги перешли к народу.

Он считал, что книга не должна лежать на полке, она все время должна быть в обращении. Библиотекарь, говорил он, это не продавец в магазине, который равнодушно отпускает товар покупателю. Библиотека должна сама идти к читателю, пробуждать в нем интерес и любовь к книгам, рекомендовать ему книги, подбирать их. Библиотекарь сам должен быть глубоко образованным и знающим человеком.

Своими книгами, всей своей жизнью Рубакин боролся за истину и справедливость. Первый раз его арестовали в студенческие годы. И хотя он окончил университет с золотой медалью, царское правительство запретило ему заниматься педагогической деятельностью, и он не смог, хотя мечтал, стать профессором. В университете Рубакин знал брата В. И. Ленина — Александра Ульянова, принимавшего активное участие в подготовке заговора против Александра III. Рубакин был близок к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», созданному В. И. Лениным. Для «Союза» мой отец писал нелегальные революционные книжки под псевдонимом Сергей Некрасов. «Союз» широко распространял рубакинскую брошюру «Ничего с нами не поделаешь» — рассказ о стачке на крупной фабрике. В ленинском «Союзе» Рубакин познакомился с Н. К. Крупской. Он снабжал ее книгами из своей библиотеки, давал советы по ведению массовой пропаганды. Крупская тогда преподавала в воскресной школе для рабочих в Петербурге вместе с А. М. Коллонтай, сестрами Менжинскими, с моей матерью.

В Швейцарии Рубакин познакомился с Владимиром Ильичем. Ленин постоянно брал книги в библиотеке Рубакина, приезжал к нему в Кларан, где жил Николай Александрович, переписывался с ним, написал свою замечательную рецензию на «Среди книг». Переписка Рубакина с Крупской и Лениным была после смерти Ленина передана в партийный архив и частично опубликована в Ленинских сборниках и в собрании сочинений.

В 1916 году Владимир Ильич делал свой доклад о войне на квартире у Рубакина.

В Западной Европе, где отец прожил почти половину своей жизни, у него было много друзей среди писателей. Рубакин был очень близок с Роменом Ролланом, рядом с которым жил. В своем дневнике Роллан много писал о Рубакине. Вот запись 1917 года: «Рубакин — человек лет 60, с седой бородой, улыбающийся и трепещущий мыслью... Это великий энциклопедист или, лучше говоря, он сам уже является энциклопедией современной России». Рубакинская переписка с А. М. Горьким, Р. Ролланом, И. П. Павловым, А. В. Луначарским, Г. В. Плехановым тоже находится в Ленинской библиотеке в Москве и еще полностью не разобрана. Н. А. Рубакин горячо приветствовал новую Россию, социалистический строй. В 1930 году Советское правительство назначило ему персональную пенсию. Умер он в 1946 году. В стене Новодевичьего монастыря есть уступ, на котором стоит скромная каменная урна с прахом отца.

ВРЕМЕНА ЛЮДИ

УЗНИК ИМПЕРАТОРС

В. ВЛАДИМИРОВ

Странная телеграмма

В один из дней осенью 1911 года миссис Мэбел Кэнтли попала в крайне затруднительное положение. В часы «после чая», которые считаются в Англии лучшим временем для визитов, в дом доктора Кэнтли явился щеголевато одетый молодой человек и, отрекомендовавшись служащим китайского императорского посольства в Лондоне, объявил, что у него имеется телеграмма из Китая для доктора Джемса Кэнтли.

Кэнтли не было дома. Молодой человек подумал с минуту, вынул из кармана телеграмму и вручил ее жене врача. Адрес был краткий: «Лондон, Сунь Вэню».

Миссис Кэнтли нахмурилась.

— При чем тут мой муж? — сухо спросила она.

— Видите ли, миссис,— объяснил молодой человек,— в китайском посольстве полагают, что ваш уважаемый супруг давно знаком с Сунь Вэнем...

— Каким образом попала эта телеграмма в китайское посольство?

Молодой человек улыбнулся.

— Очень просто. Посмотрите на адрес — улица и дом не указаны. На почте не могут знать, где именно проживает в Лондоне китаец по имени Сунь Вэнь, и поэтому переслали телеграмму в посольство. Посольство направило меня к вам и...

— Это очень забавно,— перебила миссис Кэнтли,— вы проявили необыкновенную настойчивость с целью выяснить адрес господина Сунь Вэня. Я могу вам сказать одно: у нас он не живет. Впрочем, подождите здесь, я постараюсь разыскать его адрес.

Она вышла в соседнюю комнату и развернула телеграмму. Телеграмма состояла из набора каких-то бессмысленных слов. Это был код.

Миссис Кэнтли задумалась. Она знала, что за китайским революционером по имени Сунь Вэнь ведется постоянная слежка. Не раз его пытались застрелить из-за угла.

Мэбел Кэнтли присела к столу и быстро скопировала текст. Затем она вышла к посетителю и вернула ему телеграмму.

— К сожалению, я потеряла адрес Сунь Вэня,— сказала она.

— Но он бывает у вас? — настаивал посетитель.

— Я давно его не видала,— сказала Мэбел Кэнтли и выразительно посмотрела на дверь. Сотрудник посольства понял намек и вежливо откланялся.

Сунь Вэнь пришел через несколько часов вместе с доктором Кэнтли. Он прочитал переписанный миссис Кэнтли текст, улыбнулся, сунул бумажку в карман и занялся чаем, который ему предложила гостеприимная хозяйка.

— Я полагаю, что это сообщение важное? — спросила миссис Кэнтли.— Мне стоило немалого труда быстро скопировать этот набор слов.

Сунь Вэнь перечитал бумажку. Он рассеянно посмотрел в окно.

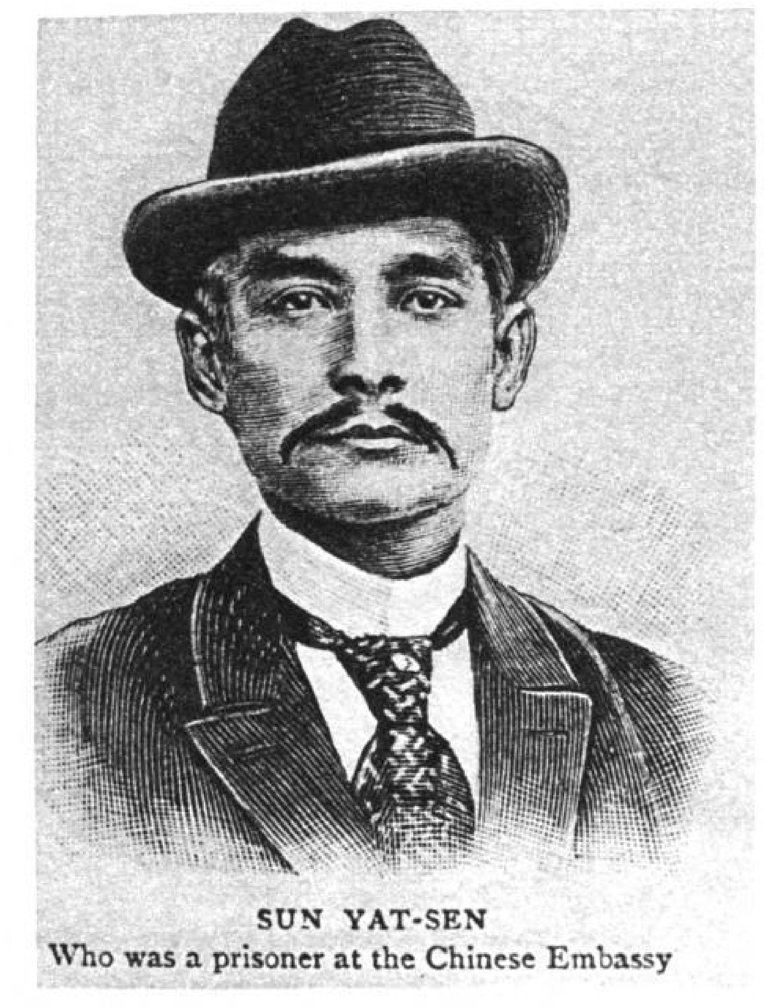
— Важное сообщение? — задумчиво повторил он.— Это как сказать... Мне предлагают быть президентом Китая.

После длительной паузы доктор Кэнтли пожал руку гостя.

— Примите мои поздравления, дорогой Сунь,— произнес он торжественно.

— Поздравления? Нет, лучше добрые пожелания. Подождите лет пять, тогда выяснится, стоило ли меня поздравлять.

— Во всяком случае,— ворчливо заметил доктор,— вполне стоило освободить вас из мансарды с решеткой на окне пятнадцать лет назад, когда вы были узником императорского посольства; теперь оно станет посольством Китайской Республики. Мэбел, милая, распорядись откупорить бутылку шерри, выпьем за процветание нового Китая и его президента Сунь Ят-сена!

SUN YAT-SEN
Who was a prisoner at the Chinese Embassy

Сунь Ят-сен после освобождения. Фото из журнала «Грэфик» за 1896 год.

Заочный приговор

Характерную фигуру Джемса Кэнтли, известного английского хирурга и крупного специалиста по тропическим болезням, когда-то безошибочно узнавали все встречные на узких, карабкающихся в гору улочках Сянгана. Хирург был широко известен, так как в 1887 году основал в Сянгане медицинский колледж для китайцев.

В списке награжденных студентов за первый учебный год значилось имя юноши Сунь Ят-сена. Замечательный китайский патриот избрал медицину, по его собственным словам, «как добрую тетю, которая выведет меня на большую дорогу политики». Доктор Кэнтли считал его образцовым студентом и предсказывал ему большое будущее в медицине. Но Сунь ставил себе другие жизненные задачи: он мечтал свергнуть маньчжурскую императорскую династию Цин, уничтожить феодалов и создать демократическое государство.

В 1894 году он основал на Гавайских островах среди китайских эмигрантов «Союз возрождения». Уже в следующем году он поднял восстание в Гуанчжоу (Кантоне). Восстание было жестоко подавлено, а Сунь Ят-сен, эмигрировавший за границу, был заочно приговорен к смертной казни. Жизнь его была полна тревог и опасностей.

Когда Кэнтли из Сянгана переехал в Лондон, он говорил, что стоило ему появиться с Сунем на любой улице, как вдали начинали мелькать тени наблюдателей. Сунь Ят-сен назывался теперь Сунь Вэнем. Попади он в руки императорских агентов, его немедленно доставили бы на родину. Там его ждал свистящий взмах широкого клинка, там императорские палачи рубили головы революционерам.

Императорское посольство

Лондонская Портлэнд Плэйс, несмотря на свое название (плэйс — площадь), представляет собой не площадь, а обыкновенную улицу. Угрюмое здание под номером 49 было занято китайским посольством. Дом доктора Кэнтли находился на Девоншир-стрит, в нескольких минутах ходьбы от этого дома.

Воскресным утром 11 октября 1896 года доктор Сунь Ят-сен не спеша шел по Портлэнд Плэйс. Ему оставалось только повернуть за угол, чтобы достичь Девоншир-стрит и дома Кэнтли.

В то время доктору Суню было тридцать лет. В этом небольшом коренастом человеке, тщательно одетом по лучшей европейской моде, трудно было узнать юношу из медицинского колледжа в Сянгане, где он носил старинное китайское платье и шапочку, из-под которой свисала глянцевитая коса (в старом Китае она была обязательна для всех мужчин, как символ покорности маньчжурам).

Сунь Ят-сен шел, глубоко задумавшись. Вести из Китая были нерадостные. Начинался раздел великой страны. Япония уже захватила Тайвань, Англия пыталась закрепить за собой бассейн реки Янцзы, Германия претендовала на территорию в Шаньдуне.

Об этом оживленно беседовали на тротуаре два китайца в европейских костюмах. Сунь Ят-сен чуть замедлил шаг. В тот же момент собеседники обернулись к нему.

— Почтеннейший господин как будто из наших мест?

— Я уроженец Гуандуна,— сказал Сунь.

— Осмелюсь спросить, изволите постоянно жить в Лондоне?

— Нет, временно... А вы давно ли прибыли из Китая?

— На прошлой неделе.

Завязался разговор. Земляки рассказывали свежие кантонские новости, так интересовавшие Сунь Ят-сена. Узнав, что Сунь врач, кантонцы горячо попросили его зайти к ним в дом, посмотреть больного товарища. Сунь не мог отказать в помощи больному соотечественнику и пошел с ними.

Возле двери он остановился. Осторожность конспиратора пробудилась в нем.

— Я опоздаю к друзьям...

— Мы вас не задержим,— смеясь, перебил его один из новых

КОГО ПОСОЛЬСТВА

знакомых и слегка подтолкнул в спину.

Уже через несколько секунд, когда дверь захлопнулась за спиной и задвижка щелкнула отрывисто и зловеще, Сунь понял, что совершил непростительную ошибку. Следующие минуты убедили его в этом окончательно.

Чья-то руки в полутьме крепко ухватили его сзади за плечи. Широкий шарф стянул рот. Грубые руки стали шарить по его карманам.

— Оружия нет,— произнес незнакомый голос.

— Очень хорошо,— пробасил кто-то на северном диалекте,— предупреждаю вас, доктор Сунь Вэнь, что сопротивление бесполезно. Вы находитесь в помещении императорского посольства. В Англии вы могли свободно гулять с господином Кэнтли. Но здесь не Англия. В этих стенах Китай!

Записка

— Уверяю тебя, Джемс, с ним что-то случилось,— сказала Мэбел Кэнтли,— не может быть, чтобы этот пунктуальный человек, не явившись в прошлое воскресенье, пропал бы после этого на целую неделю!

Доктор Кэнтли ходил по кабинету, заложив руки за спину. Он остановился перед стенным календарем и сердито постучал пальцем по листку. Было 17 октября.

— Где его искать? — пробурчал Кэнтли.— Может быть, он заболел?..

Мэбел покачала головой.

— Если бы он заболел, то прислал бы записку. Боюсь, что с ним что-то неладное.

Предчувствие миссис Кэнтли подтвердилось в тот же вечер.

В 11 часов, проходя по холлу, доктор заметил на соломенной циновке подсунутую под дверь белую бумажку. Он развернул ее и прочитал:

«Ваш друг с прошлого воскресенья находится в заключении в китайском посольстве. Его хотят выслать в Китай, где он, наверно, будет казнен. Бедняге очень плохо, и если для него ничего не будет сделано, его увезут так, что никто об этом не узнает. Я не могу подписать свое имя, но это истинная правда, и я надеюсь, что вы мне поверите. Что бы вы ни сделали, действуйте быстрей, а то будет поздно».

Трудное воскресенье

Поверенным в делах китайского посольства был, как ни странно, чистокровный шотландец, сэр Хэллидей Мак-Картни, прямой потомок известного путешественника и дипломата, жившего в Китае в начале XIX века.

В четверть двенадцатого, в ночь на воскресенье, особняк Мак-Картни был заперт, и в окнах не было видно ни одного огонька.

Кэнтли направился в отделение полиции района Мэрилебон. Флегматичный дежурный записал его имя и адрес и сказал, что завтра постарается что-нибудь сделать.

Кэнтли нанял кэб и поехал в управление уголовного розыска, прославленный детективной литературой Скотлэнд Ярд. Инспектор прочитал записку, выслушал взволнованный рассказ Кэнтли и кисло сказал:

— Почти невероятная история! Мы проверим.

В середине дня в дверь Кэнтли раздался стук. Появился мужчина средних лет, весьма респектабельной наружности — так выглядят дворецкие в зажиточных, солидных домах.

— Я по делу вашего заморского друга,— сказал он и, осторожно вытащив из внутреннего кармана два куска картона, подал их доктору. Кэнтли сразу узнал знакомый почерк Сунь Ят-сена.

Сунь писал, что его похитили и что он сидит в небольшой комнате, на верхнем этаже посольства. Пробовал кричать — никто не отзывается. Эти куски картона он вручает Колу, английскому слуге посольства, с просьбой добраться до дома доктора Кэнтли. В конце Сунь писал, что из боязни быть отравленным он отказывается от пищи и настолько ослабел, что с трудом передвигается.

— Могу прибавить,— мрачно проговорил посетитель,— что сэр Хэллидей Мак-Картни знает об этом похищении. Через два-три дня китайца погрузят на пароход, который отправляется в Шанхай. Прошу вас, сэр, никому не говорить обо мне, иначе я потеряю работу.

Кэнтли снова посетил Скотлэнд Ярд, где тот же инспектор невозмутимо заметил, что «нет нужды так скоро приходить вторично». Доктор поехал в министерство иностранных дел.

Воскресенье... Скучающий дежурный развел руками. Но, видя возбужденное состояние гостя и вспомнив, что это известный врач из Сянгана, обещал, что дело будет доложено утром в понедельник.

До начала работы в понедельник оставалось еще добрых пятнадцать часов. Кэнтли не мог успокоиться. Он поехал в редакцию «Таймс» и рассказал всю историю похищения. В газете оживились больше, чем в полиции: сообщение было сенсационным!

Сенсация вышла даже за пределы Англии. Петербургская газета «Новое время» сообщила, что в Лондоне «задержан китайский доктор медицины Сун Ват-сен» и что посольство якобы ответило на протесты, что «указанное лицо вовсе не содержится под арестом».

Освобождение

20 октября Сунь все еще был в заточении. Кэнтли потребовал, чтобы в дело вмешался высший уголовный суд, но ему было отказано на том основании, что юрисдикция английского суда не распространяется на территорию иностранного представительства.

Только 23 октября делегация в составе инспектора Скотлэнд Ярда, представителя министерства иностранных дел и самого Кэнтли была принята китайским поверенным в делах Мак-Картни. Вначале этот «китайский шотландец» был непоколебим. Тогда чиновник министерства иностранных дел извлек из глубин своего сюртука маленькую записку, которая произвела на упрямого дипломата мгновенное действие.

— Я передам этого человека в ваши руки,— холодно сказал Мак-Картни,— с тем, чтобы дипломатические права посольства не были нарушены...

Кэнтли так и не узнал содержания этой записки, но предполагал, что в ней заключалась угроза министра иностранных дел лорда Солсбери разрешить полиции обыскать здание.

Через несколько минут из бокового подъезда посольства шатающейся походкой вышел истомленный, бледный Сунь Ят-сен.

Профессор Джемс Кэнтли.

Крушение династии Цин

Перенесемся опять в 1911 год, когда гарнизон Учана начал историческое восстание, которое привело к падению вековой монархии в Китае и к провозглашению первой в Азии республики.

«Центральный Китай объят мужицкой революцией,— в ужасе сообщал корреспондент «Русского слова»,— в города стекаются крестьяне, землепашцы, вооруженные мотыгами, свозят припасы революционерам, присоединяются к отрядам, дают лошадей и арбы для передвижения... В занятых революционерами городах устраиваются патриотические шествия со знаменами, на которых имеются надписи «Освобождение Китая»...

24 декабря 1911 года Сунь Ят-сен прибыл в Китай не как пленник, а как вождь революции. 29 декабря он был избран временным президентом республики. Официальный акт отречения династии Цин последовал только 12 февраля 1912 года.

В то же время доктор Кэнтли получил письмо с грифом «Китайская Республика, канцелярия президента, Нанкин». Сунь Ят-сен сообщал о своем избрании и писал, что он принял этот пост, чтобы «спасти Китай и четыреста миллионов людей от опасностей и трудностей, которые их окружают».

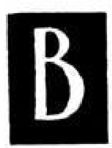
«Я чувствую себя еще более благодарным,— писал далее Сунь Ят-сен,— в своем нынешнем положении, когда я вспоминаю свою бедную жизнь, полную страданий и тяжелого труда, и думаю о добрых пожеланиях, на которые вы никогда не скупились, чтобы ободрить меня, пожеланиях, которые я не могу забыть».

Сунь Ят-сен был большим другом Советского Союза. В 1925 году со смертного одра он направил обращение в ЦИК СССР. «...Вы возглавляете союз свободных республик,— писал он,— то наследие, которое оставил угнетенным народам бессмертный Ленин... я поручил партии быть в постоянном контакте с вами. Я твердо верю в неизменность поддержки, которую вы до сих пор оказывали моей стране. Прощаясь с вами, дорогие товарищи, я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем и свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку».

Сунь Ят-сен — первый президент Китайской Республики.

Финал

В ечером тридцатого января, отослав фюреру радиограмму, что армия продержится не более суток, так как русские не прекращают своих атак, длящихся по двенадцать часов кряду, генерал-полковник вызвал Шмидта и Роске.

Первым пришел генерал-майор Роске, отличавшийся непосредственностью среди окружавших его полковников, подполковников и других офицеров семьдесят первой дивизии. Он отсалютовал командующему и встал по стойке «смирно» у двери. Вид командующего потряс его: перед ним был едва державшийся на ногах человек с воспаленными от бессонницы глазами.

— Вы больны, господин генерал-полковник,— вежливо сказал Роске, жалея старика. В этот час генерал-полковник действительно выглядел стариком.

— Душой, Роске, душой, — пробормотал генерал-полковник. — Где же Шмидт?! — с раздражением выкрикнул он.

Шмидт, еще за дверью услышав гневное восклицание командующего, появился на пороге:

— Я здесь! Новости? — Он все ждал каких-то новостей.

— Сядьте, — коротко бросил генерал-полковник. — Отдайте приказ по армии, Шмидт. Ввиду того, что я не в состоянии командовать разобщенными войсками, потому что не знаю обстановки на фронте, с этого часа вверяю командование северной группировки генерал-полковнику Штреккеру, южной — генерал-майору Роске.

Так одним росчерком пера генерал-полковник решил мучившую его проблему. Пусть финал трагедии сочиняет кто хочет, только не он.

Роске хотел что-то сказать. Генерал-полковник движением руки остановил его:

— Итак, с этого часа я являюсь в армии частным лицом, солдатом, и подчинюсь любому решению генерала Роске, в пределах действия которого нахожусь.

Роске, давным-давно мечтавший о том, чтобы ему наконец развязали руки, наклоном

головы дал понять командующему, что ему все ясно.

— Вы свободны, господа генералы. Я хочу спать.

Шмидт, бесконечно обрадованный таким оборотом («Наконец нашелся тот, кто возьмет на себя ответственность за прекращение огня!»), вышел, что-то втолковывая на ходу Роске.

Генерал-полковник, оставшись один, разобрал койку. Он был доволен собой.

Жесткая щетина, вылезшая за день, колола шею, но генерал-полковник не хотел бриться: горячей воды нет, а холодной он бриться не любил. Хайн обошел весь подвал в поисках стакана кипятку.

Его встречали смехом.

— Бриться задумали? Уж не на парад ли собираетесь? — кричали ему вслед.

В этот вечер генерал-полковник никого к себе не пустил. Лишь Адам и Хайн оставались с ним, но, удрученные молчанием командующего, тоже молчали.

В двенадцатом часу ночи постучали в дверь и сказали, что пришла радиограмма из ставки. Генерал-полковник, читавший библию, подскочил, как на пружине.

Дрожащими руками он принял от Эберта радиограмму и тут же швырнул ее на стол. Кейтель сообщал, что специальный самолет сбросит в расположение армии двадцать восемь тысяч орденов и медалей.

Генерал-полковник лег и приказал погасить свет. Он долго не мог заснуть: грохот канонады не действует успокоительно на нервы. В громовые раскаты вплетались какие-то другие, посторонние звуки: то ли танки грохотали на площади рядом, то ли проходили мотомеханизированные части.

Генерал-полковник погрузился в сон и не слышал, как Адам, осторожно ступая, вышел из клетушки и пошел в штаб Роске. Был тот час, когда еще не кончилась ночь и не начиналось утро. Тьма медленно таяла, но предметы еще сохраняли неясность очертаний.

Адам вышел в коридор и остановился, пораженный: около двухсот офицеров, охранявших ставку командующего и дежуривших с оружием в развалинах верхних этажей, заполнили коридор. Кто спал, кто тихо разговаривал. Электричество погасло. Неверный свет огарка, прилепленного к пианино, колебался от движения воздуха. Слышалось неровное дыхание, легкое похрапывание, бредовые выкрики во сне... Синее облако табачного дыма висело под потолком.

Те, кто не спал, проводили Адама безразличными взглядами. Адам не решился заговорить и выяснить причину столь непонятного явления.

«Ставка не охраняется? Что такое?»

Лишь войдя к Роске, он узнал, в чем дело: двадцать минут назад громкоговорители русских, установленные на Площади павших борцов, передали защитникам последнего опорного пункта южной группировки ультиматум о немедленном прекращении огня.

Этот последний акт битвы на Волге был разыгран при участии тридцать восьмой мотомехбригады и триста двадцать девятого инженерного батальона 64-й армии. В ночь на тридцать первое января эти части блокировали все входы и выходы универсального магазина. Советские командиры пригрозили офицерскому полку, охранявшему штаб, разнести то, что еще осталось от магазина, и похоронить под развалинами всех, кто сделает попытку сопротивляться.

Роске, смеясь, сказал Адаму:

— Калиф на час, полковник, не знает, что в таком случае положено делать. Людей сверху я снял, а дальше?

— Дальше будет так: я возьму двух автоматчиков и пойду парламентером к русским.

— Вы отчаянный человек, вижу, — улыбнулся Роске.

— Кому-то надо кончать это, генерал, — сурово нахмурился Адам. — Кроме того, я хочу сохранить жизнь командующему.

— С богом,— сказал Роске. — Постарайтесь затянуть переговоры. Утро вечера мудренее. Свежие головы не дадут русским принять безрассудные решения.

Адам ушел.

Пока он вел переговоры с русскими, Эберт принял еще одну радиограмму из ставки верховного главнокомандования. Он поспешил с нею к Шмидту. Тот нервно курил и прислушивался к тому, что делается в подвале. Ему казалось, что в комнате командующего кто-то ходит, он слышал обрывки разговоров. Несколько раз Шмидт выходил в приемную и подолгу сидел на парте, вслушиваясь в тишину... Больше всего он боялся выстрела там, за стеной, — одного-единственного выстрела, который для него, Шмидта, имел бы самые дурные последствия. Затем он уходил к себе.

Грохот закрытой Эбертом двери показался Шмидту тем самым зловещим звуком. Он вздрогнул, но, увидев Эберта, процедил сквозь зубы:

— Идиот! Мог бы закрыть дверь потише. Что там у тебя?

— Радиограмма из ставки. Думаю, ее немедленно надо сообщить командующему, господин генерал-лейтенант. Такие вещи случаются с людьми раз в жизни, вы не находите?

Шмидт прочитал радиограмму и понял, что отныне никакие беды ему не грозят: только не отходить ни на шаг от командующего, не отходить даже вопреки его воле.

Осклабившись, он сказал:

— Прекрасная новость, дружище Эберт, великолепную новость ты принес мне. Спасибо! Но приказываю, — Шмидт поднял палец, — никому ни слова, слышишь? Командующий очень устал, он спит. Я не хочу тревожить его. Он узнает о радиограмме несколько позже. В конечном счете это останется при нем на всю жизнь, не так ли, толстячок? — Шмидт открыл коробку с сигарами и передал две гаваны Эберту: такой щедрости он никогда не позволял себе. Эберт был поражен. — И я позабочусь о тебе, слышишь? Русским я скажу, что ты самый безобидный человек на свете.

— А я и есть самый безобидный, — резким тоном ответил Эберт.

— Какие новости?

— О, много всяких! Сидишь и слушаешь весь мир, господин генерал-лейтенант. Какая-то тайная радиостанция Берлина передает, что господин рейхсмаршал Геринг устроил роскошный ужин в честь дня своего рождения. А между тем, сообщает та же радиостанция, в знак солидарности с нами все тыловые воинские части и штабы сократили свой паек наполовину.

— Гм!

— Вчера рейхсмаршал, как передают англичане, выступил с речью, где сравнивал нас с греческими героями, которые в битве при Фермопилах погибли все до единого, а пози-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 22—27.

ций не сдали. Черт побери! — Эберт рассмеялся.— Он вроде бы хоронит нас, то есть господин рейхсмаршал, хотел я сказать.

— Помолчи! — резко оборвал его Шмидт.— Это не твоего ума дело. Нет вестей от Адама?

— Он еще не вернулся от русских. Я переменил мнение о нем. Он храбрый малый, господин генерал-лейтенант! Мы бы с вами черта с два потопали к комиссарам, зная, что они могут тут же содрать с нас шкуры, а? — Эберт снова рассмеялся.

Шмидт поморщился от двусмысленных слов Эберта, но решил, что заняться им надо было раньше.

— Ладно, ладно. Передай Роске, пусть и он потянет с переговорами, если Адам приведет сюда русских. То, что человек может сделать ночью, он не сделает днем. Охлаждение страстей в решающий момент — великое дело, старина Эберт. Неторопливость успокаивает нервы, ха-ха! Да, забыл сказать, передай фюреру радиограмму: мы верны ему до конца. После этого можешь разбить радиопередатчики и сжечь коды. Иди. Впрочем, стой. Вот тебе еще сигара. Кури на здоровье, толстяк.

Когда Эберт ушел, Шмидт еще раз перечитал радиограмму, подписанную самим фюрером. По странному стечению обстоятельств, она была отправлена из ставки в ту самую минуту, когда громкоговорители русских положили начало концу. Шмидт ликовал, он даже сделал несколько па. «Спасены, спасены!»

Внезапно стрельба прекратилась. Шмидт понял, что переговоры Адама с русским командованием начались. Через час, когда ленивое утро стало проникать через покрытое морозным узором окно, его попросили в штаб Роске. Там находились два русских офицера. Узнав, что они представляют командиров частей, окруживших универсальный магазин, Шмидт процедил:

— Армия может вести переговоры только с армией. Вызывайте для переговоров о капитуляции либо представителей вашей армии, либо из штаба Рокоссовского.

В восемь часов утра в ставку южной группировки приехал полковник, начальник оперативного отдела штаба 64-й армии, сопровождаемый начальником разведывательного от-

Николай **ВИРТА**

Повесть

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

дела и заместителем начальника штаба по политической части.

Еще во дворе Адам потребовал документы, подтверждавшие полномочия советских офицеров, на что последовал суровый и категорический отказ. Затем все проследовали в подвал. Солдаты и офицеры, толпившиеся во дворе, загудели пчелиным роем. Каждый наперебой старался указать дорогу русским. Толкотня и шум прекратились после окрика Адама.

Он ввел русских офицеров в комнату Роске. Там, поджидая делегацию, сидели Роске, Шмидт, еще несколько офицеров. Все вскочили при появлении русских командиров. Шмидт представился, вслед за ним назвал себя Роске.

Полковник, возглавлявший делегацию, потребовал немедленно отвести их к командующему армией. Нет, это не входило в расчеты Шмидта!

— Господин командующий нездоров. Переговоры буду вести я. Что вам угодно?

— Немедленная и безоговорочная капитуляция, — прозвучал суровый ответ.

Суетясь и подпрыгивая, Шмидт тут же согласился на капитуляцию южной группировки.

Советские офицеры, наблюдая эти прыжки и ужимки, молча усмехнулись.

— Но я тоже ставлю условия! — прокричал Шмидт переводчику. — Недопустимо, чтобы офицеры в таких званиях устраивали допрос командующему или мне, начальнику его штаба. Показания военного порядка мы будем давать только командующему фронтом. Затем я требую обеспечить безопасность господина командующего армией.

— Не беспокойтесь, никто не собирается его убивать, — презрительно обронил старший в делегации.

— Кто знает, вдруг найдется какой-нибудь фанатик!

— Хватит! — прервал его Адам, понявший неуместность всех этих рассуждений. Ему было ясно, что Шмидт заботится вовсе не о безопасности командующего, а о своей собственной шкуре.

— Да, хватит,— надменно пожав плечами, проговорил Шмидт. — Мы ждем для дальнейших переговоров, как я уже сказал, высшего офицера вашей армии или фронта.

Не прошло и часа, как в подвал спустился русский генерал, уполномоченный вести переговоры с командующим немецкой армией. И только перед ним Шмидт открыл свои карты.

— Ставлю вас в известность, господин генерал, что со вчерашнего дня господин командующий сдал командование и является в данный момент частным лицом.

— Ладно, — посмеиваясь, ответил генерал, заметив, как пыжится Шмидт, напуская на себя важность. «В историю играет!» — подумал он.— Ладно, ведите нас к командующему.

Через коридор, очищенный по приказу Роске от офицеров — их выгнали во двор,— русский генерал и сопровождающие его офицеры направились к генерал-полковнику.

Он уже все знал: Хайн сообщил ему, что Адам ведет переговоры о капитуляции. Генерал-полковник промолчал. Им овладело полное безразличие. Кроме душевной пустоты, ничего не чувствовал он в те минуты.

— Мне нездоровится, Хайн. — Генерал-полковник прилег на кровать.

Не успел Хайн накрыть его пледом, в дверь постучали. Вслед за тем в дверном проеме появился русский генерал, показавшийся командующему юношей.

Генерал-полковник встал, сел, накинул на плечи плед. Русский генерал отдал честь. Командующий жестом предложил ему сесть. Помолчав, он вспомнил что-то, пошарил в кармане, вынул маленький, словно игрушечный, браунинг и положил на тумбочку.

— Вот мое оружие, — сказал он глухо. — Оно не нужно мне теперь. Впрочем, я не сделал из него ни одного выстрела. Так, игрушка в руках человека, равно как и я, господин генерал, стал игрушкой судьбы.

— Если вас не побеспокоит, сдайте ножи, бритвы и другие режущие предметы, — вежливо сказал представитель советского командования.

Генерал-полковник снова покопался в карманах кителя и положил на тумбочку два перочинных ножа. Русский генерал выжидательно посмотрел на Шмидта.

Тот, побагровев, вынул перочинный нож и визгливо закричал:

— Это безобразие! Неужели вы думаете, что германские генералы станут вскрывать себе вены перочинными ножами? Мы будем жаловаться.

— Я ничего не думаю, господин генерал, — весело ответил русский генерал. — Извините, но таков порядок, и вы не хуже меня знаете это.

— «Порядок»! «Порядок»! — выкрикивал Шмидт.

— Успокойтесь! — Генерал-полковник морщился от визгливых выкриков Шмидта.— Порядок есть порядок. И вы поступили бы так в подобных обстоятельствах.

Шмидт все ворчал что-то под нос. Адам выложил свой перочинный нож. Хайн последовал его примеру.

— Должен ли я сдать бритвенную машинку? — спросил русского генерал-полковник.

— Да нет уж,— смеясь, ответил тот.— Если господин генерал так разнервничался, я верну ножи ему и вам.

— И, если можно, моему ординарцу,— вмешался генерал-полковник. — Этот перочинный нож ему подарил покойный фельдмаршал Рейхенау.

— Возьмите, ладно. Но, господин командующий, прошу вас, и не обижайтесь на меня, дать слово, что вы... Одним словом, что вы не попытаетесь...

— Я понял вас, господин генерал. Я мог бы это сделать много раньше. Но я не сделал и не сделаю этого, на что у меня есть свои причины. Мне моя жизнь не так уж дорога. Да и много ли мне осталось жить? Но она понадобится моей родине. Хотя бы для того, чтобы я мог сказать народу всю правду о том, что случилось с нами и по чьей вине... Нет, нет, не думайте, будто я хочу взвалить ответственность только на других и уйти от нее самому.

Молчание.

— Теперь,— заговорил русский генерал, — у меня еще одна просьба. Я прошу отдать приказ командующему северной группировкой генералу Штреккеру немедленно сложить оружие и кончить безрассудное пролитие крови.

Генерал-полковник хотел что-то сказать, но Шмидт перебил его:

— Господин генерал, вы только что объявили нам, что мы пленены шестьдесят четвертой армией, которая дралась с нами начиная от Прута и до Волги. Военнопленные командиры не имеют права отдавать какие-либо приказы, не так ли? — Шмидт зло усмехнулся.

— Но, господин генерал-полковник, подумайте о последствиях!

И тут снова вмешался Шмидт. Наконец-то настал момент, когда он мог бросить на стол карту, которую приберегал для рокового мига.

— Генерал-полковник, сказали вы? Здесь нет такого.

Генерал-полковник остановил на Шмидте непонимающий взгляд. Адам пожал плечами. Стало очень тихо в комнате и приемной, где собралось порядочно военного народа.

— Позвольте... — начал было генерал-полковник.

— Извините, я прерву вас, — с напыщенной торжественностью и очень громко начал Шмидт, очевидно, для того, чтобы его услышали толпившиеся в приемной.— Господин командующий, фюрер прислал радиограмму с приказом о присвоении вам звания генерал-фельдмаршала германской армии. Я не хотел беспокоить вас этим сообщением раньше: вы спали. А теперь рад первым поздравить вас со столь высоким званием. Надеюсь, оно послужит самой надежной охраной вашей личности и тех, кто под вашим командованием сражался в этой крепости на Волге.

Генерал-полковник, ожидавший чего угодно, только не этого, сурово молчал.

Адам пожал его руку, свисавшую безжизненно, как безжизненны были глаза новоиспеченного фельдмаршала, обращенные куда-то в неведомое. Хайн вытянулся и отдал шефу честь. Прочие немецкие офицеры сделали то же.

— Это я принял радиограмму, — сказал Эберт.

— Разрешите, господин фельдмаршал? — робко сказал Хайн.— Я умоляю вас сказать русским, что Эберт — радист, просто радист и самый безобидный человек в армии.

Фельдмаршал усмехнулся, остальные рассмеялись.

— Какое бы звание ни носил командующий шестой армией, — сказал русский генерал, — его жизнь и безопасность гарантирует наша армия, шестьдесят четвертая армия генерал-лейтенанта Шумилова.

«Добрым подарком отметил фюрер мое падение!» — думалось фельдмаршалу.

— Если бы вчера мне сказали, что сегодня я буду фельдмаршалом, а через считанные часы попаду в плен, — заговорил он с усилием, — я бы сказал: это бывает только в театре. Ну, радуйтесь, Шмидт! Ваша жизнь в безопасности. Ведь вы так хлопотали об этом. Но зачем она нужна вам, ваша жизнь? Ну, хорошо,— фельдмаршал обернулся к русскому генералу, — я готов следовать за вами. Куда

повезут нас теперь и готова ли клетка для меня?

— Клетка? — не понял генерал. — Какая клетка?

— Я пошутил,— мрачно ответил фельдмаршал. — Итак, куда меня повезут и кого мне можно взять с собой?

— Сначала вы поедете с нами к командующему шестьдесят четвертой армией. Затем вас направят к командующему Донским фронтом.

Шмидт чуть не подпрыгнул. Теперь ясно — ни пыток, ни допросов не будет. Отлично!

— Кого я могу взять с собой? — осведомился фельдмаршал.

— Вы можете взять с собой начальника штаба армии, адъютанта и вообще кого пожелаете.

Как ни отвратительна была фельдмаршалу компания Шмидта, он кивнул в знак согласия, но лишь Хайн заметил недовольную гримасу на его лице.

Хайн отлично понимал фразу командующего, обращенную к Шмидту: зачем тому нужна жизнь?.. Хайн про себя завершил ее: «Ведь теперь вам некому будет строчить свои доносы...»

Хайну очень хотелось, чтобы Шмидт был включен в группу, оставшуюся при фельдмаршале. «Уж я попорчу в плену настроение этому сукину сыну, если фельдмаршал возьмет меня с собой,— злорадно размышлял Хайн.— Уж там, сукин сын, ты ответишь за все: и за девчонку из Ганновера, растленную тобой, и за гуся, и за твои доносы...»

Он бросил шефу умоляющий взгляд. Тот кивнул.

— Я бы хотел иметь с собой, кроме начальника штаба и адъютанта, господин генерал, врача и ординарца Хайна. Вот этого медвежонка.— Фельдмаршал ласково посмотрел на сиявшего Хайна.

Генерал кивнул. Когда вопрос о Хайне был улажен, фельдмаршал снова обратился к русскому генералу:

— Не хотите ли позавтракать со мной?

— Спасибо, я сыт.

Русский генерал взглянул на часы:

— Господин генерал-фельдмаршал, мне пора к генералу Роске.

— Да, да, там уже все готово! — подхватил Шмидт с невиданным оживлением.— Приказы напечатаны, их уже развозят по дивизиям. Вы можете принимать оружие у наших частей.

— Думаю, вам хватит часа на сборы, господин генерал-фельдмаршал?

— Разумеется, разумеется,— снова заспешил Шмидт: ему не хотелось оставаться здесь ни минуты. Скорее под охрану русского командующего, скорее к обеду, скорее в штаб фронта.

Выйдя в приемную, Шмидт остановил русского генерала:

— Умоляю вас, не можете ли вы разоружить офицеров, охранявших нашу ставку, так, чтобы фельдмаршал не видел этого? Его сердце не выдержит...

— Ну ладно, — рассмеялся генерал.— Так и быть, побережем сердце фельдмаршала. — Он отлично понимал, почему Шмидт заговорил на эту тему: немец еще побаивался расправы, а вооруженная охрана — как-никак гарантия от возможных неприятностей.

Хайн принялся упаковывать вещи фельдмаршала. Адам и Шмидт вскоре вернулись в комнату командующего. Адам раздобыл у какого-то русского офицера фронтовую газету.

— Здесь уже сообщено о нашем пленении и о трофеях. Обратите внимание на количество танков.

— Не может быть! — Шмидт помотал головой.— У нас было гораздо меньше танков.

— А кто их считал! — Фельдмаршал выглянул в окно и улыбнулся.— Русские солдаты и офицеры заглядывают сюда, интересуются, как выглядит пленный германский фельдмаршал. А он отличается от остальных пленных только высоким званием.

— М-да!—неопределенно буркнул Шмидт.— Странно, что русские не поставили охраны к окну и к вашим дверям, господин фельдмаршал.

— Потому что они знают, что мы никуда не убежим,— под общий смех ответил Адам.

— Правильно, Адам! Не знаю, но у меня такое чувство, будто я вовсе не в тюрьме и не в плену. Этот русский генерал очень предупредительный человек, не правда ли, Адам?

— Так точно.

— Он, должно быть, не комиссар,— сказал Хайн.

— Да, но мне было ужасно противно, когда он выуживал у вас приказ Штреккеру, господин фельдмаршал. Никто из нас не будет отвечать на вопросы, относящиеся к ведению верховного главнокомандования. Это им не восемнадцатый год, когда кричали, что Германия — одно, правительство — другое, армия — третье...

— Вполне согласен с вами, Шмидт. Разумеется, сейчас Германия едина и, как никогда, обожает фюрера. Особенно глубоко это чувство даст знать о себе, когда народу будет сказано о гибели громадной армии на Волге. Фюрер не оберется оваций.

Шмидт предпочел не заметить усмешки, мелькнувшей на губах фельдмаршала. Да если бы и заметил, донос послать не с кем.

— Интересно, как история будет освещать эту часть нашей кампании в России! — заговорил Шмидт после молчания.— Конечно, объективного толкования не будет, как нет объективного изложения мировой истории. Кстати, русские журналисты тут как тут — их полно у Роске. Уж они-то по-своему разрисуют битву на Волге и нашу оборону. Я немецких журналистов не перевариваю, а тут русские... Отвратительно! Какой-то сочинитель или репортер приставал ко мне с вопросами... В полушубке, со знаками различия подполковника. Гнусная курносая морда и синие глаза палача. Что-то чиркал в записную книжку и фотографировал всех подряд. Я отвернулся, когда он хотел сфотографировать меня.

— Напрасно.— Адам фыркнул.— Вы увековечили бы себя для истории.

...Через час Хайн нагружал чемоданами машину. Шмидт вертелся возле него, проверял и пересчитывал свои вещи, торопил Хайна.

По двору слонялись без дела пленные офицеры. Один из них переходил от одной группы к другой и повторял:

— Ничего, не надо нервничать. Главное — все живы! — И с этими словами шел к другой группе.

Никто не обращал на него внимания, потому что всех забавляли прыжки Шмидта у грузовика.

— Шмидт тоже попался! — крикнул кто-то.

— Поглядите, он танцует от радости, что его шкура уцелела! — подхватил какой-то полковник.

— Идиоты! — прошипел Шмидт.

К нему подошел румынский майор и на ломаном немецком языке спросил, знает ли господин генерал: в плену Папеску или нет?

— Идите вы к черту! — разозлился Шмидт.

— Зачем же вы ругаетесь, господин генерал? — обиделся румын. — Ведь я просто хочу узнать, в плену ли Папеску.

— А я вам ответил, идите к черту!

— Это я слышал. Но Папеску в плену или нет?

Разогрев давно стоявший на приколе «штейер» командующего, Хайн доложил ему, что к отъезду все готово. Шмидт уже сидел в машине, когда появился фельдмаршал, встреченный торжественным молчанием.

Отдав честь офицерам, он устроился рядом со Шмидтом на заднем сиденье. Адам подсел к Хайну. Тот дал сигнал, и машина выехала со двора. За ней шли машины с советскими офицерами.

Усевшись поудобнее, фельдмаршал глубоко вдохнул морозный воздух.

Машина ползла мимо руин некогда громадного и цветущего города, по площадям и улицам, минуя надолбы, проволочные заграждения, развороченные доты, обходя бомбовые воронки.

Куда ни глянь — трупы, трупы, лежавшие в разных позах, а в некоторых местах навалом, как в той яме. На карачках ползли раненые. Санитары, еле передвигая ногами, подбирали тех, кто еще дышал.

И всюду брошенное оружие, разбитые танки и опять трупы. Это было страшно, но фельдмаршал заставлял себя не отворачиваться: впервые он видел итог битвы, ставшей более знаменитой, чем Фермопилы, Канны, Верден...

Машина выехала за город. Огромной черной змеей вилась по дороге бесконечная, пропадавшая за пригорками колонна военнопленных.

Оборванные, со струпьями на черных лицах, укутанные с ног до головы во что попало, втянув головы в плечи, брели солдаты разгромленной армии — той самой, что под грохот барабанов шла к Волге.

Солдаты оборачивались и смотрели на машину с откинутым верхом. Многие из них никогда не видели командующего армией. Лишь кое-кто из офицеров приветствовал его.

«Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь!» — вспомнилось фельдмаршалу. Ему казалось, что он принимает последний призрачный парад призрачного войска; бессмысленными приказами он посылал его в бессмысленные бои.

Пронзительный, дико свистящий ветер бушевал на равнине. Пленные плотнее кутались в тряпье, размахивали руками, чтобы согреться, падали и умирали...

На окраине города фельдмаршал увидел старика, который водил его к яме. В том же рваном ватнике, в наспех залатанных штанах, в валенках, обклеенных красной резиной от автомобильной камеры, он стоял на обочине дороги и смотрел на колонны пленных, бредущих по заснеженной степи.

Фельдмаршал отвернулся. Горло его свела судорога. Еще ниже нахлобучив шапку на лоб, он отодвинулся от Шмидта. Фельдмаршалу вдруг страстно захотелось отпустить ему пощечину.

Но он подавил это искушение. «Ничего,— думал фельдмаршал,— уж он-то ответит!»

Все свирепее становился буран, все более дико выл и визжал ветер. И вспомнились фельдмаршалу слова старика о беспощадном норове степных бурь и о русском характере, добродушном в повседневности, твердом, как скала, в дни испытаний, страшном, когда он взлютует.

Фельдмаршал всматривался в лица советских солдат, сопровождавших пленных. Они шли как ни в чем не бывало, и, хотя им тоже доставалось от пронзительного ветра, они не сдавались перед ледяным дыханием степи, как не сдали города на Волге и не ушли на ее левый берег: они знали, что там нет земли для их могил...

«Так в чем же дело? — рассуждал про себя фельдмаршал.— В чем крылась главная ошибка наших расчетов? В потенциальной военной силе Советов? Да, не учли и ее. Как много было криков о колоссе на глиняных ногах! Но почему ж он не упал под нашими чудовищными ударами первых месяцев войны? Ведь должен же я хотя бы себе ответить на этот вопрос... Да и только ли себе? Ответ на него в интересах немецкого народа: ему ведь надо избавляться от погибельного прошлого, ему надо оправдать себя, чтобы мирно, по-соседски дружно жить с другими народами.

Нет, и все-таки не в том был главный просчет! Очевидно, он в той загадке русской души, над которой так бьются многочисленные писатели и исследователи России, старой и новой, очевидно, в том наш просчет, что мы слишком поверили писакам и пропагандистам, отрицавшим единство советских людей, народов, населяющих эту необозримую территорию, где — и это также очевидно — завязнет и погибнет любой, кто попытается сокрушить их...

Вот я теперь возлагаю ответственность только на фюрера и его советников, точно так же, как виню за разгром моей армии только какие-то чисто военные промахи всех, кто окружает фюрера. Но так ли это? Раздумывал ли я сам глубоко, работая над планом вторжения, учитывал ли возможность гибельных последствий для народа?

И каков же теперь будет мой путь? Что скажу я, когда спросят меня: была ли у вас голова на плечах, когда во имя подчинения ничтожествам вы лили и лили кровь?»

Он не находил ответа. Выпрямившись, не глядя по сторонам, фельдмаршал смотрел в даль, затянутую морозной мглой. Мутной мглой затянуто было его будущее. Он знал теперь только одно: с советскими людьми нельзя воевать. Нельзя. Никому. Никогда. Нет силы, которая бы согнула их волю, опустошила бы их сердца и души.

Зачем!

Об этой истории мне напомнила картина размером в страницу обыкновенной писчей бумаги. На ней с щепетильной педантичностью изображена дача в сосновом лесу под Москвой, стол с графином для воды и стаканом, скамейка и чайник, стоящий на ней.

Эту картину нарисовал и подарил мне генерал-фельдмаршал Фридрих фон Паулюс, умерший в Германской Демократической Республике в феврале 1957 года. Он не был объявлен военным преступником. Его появление на Нюрнбергском суде над извергами и злодеями, каких не видел мир, было подобно взрыву бомбы.

Мне довелось видеть фельдмаршала в день пленения и быть среди тех, кто в лютую февральскую ночь 1943 года сопровождал его на хутор Заварыгино, в штаб Донского фронта, которым командовал генерал-лейтенант Рокоссовский.

Уже тогда в Паулюсе замечалось, пусть не ярко выявленное, раздвоение души, но он еще твердо держался чувства «долга», которым напичкал себя во все предыдущие годы, занимая видные места в военном руководстве фашистской Германии.

Затем я встречался с Паулюсом в послевоенные годы. Он жил на даче под Москвой, писал мемуары о великой битве на Волге и причинах гибели 6-й германской армии, приведшей в конечном счете к поражению фашизма и его вооруженных сил. Но катастрофа армии была и душевной катастрофой ее командующего. Да, в те дни перед нами сидел совсем другой человек, с другими убеждениями и понятиями о долге.

Труден и сложен был его путь от волжского «котла» до свидетельского пульта в Нюрнберге. Он не скрывает своих шатаний и разлада с самим собой и откровенно пишет о них в своих записках.

Паулюс был солдатом старой школы. Но в нем не угасла искра человечности.

После долгой и, вероятно, мучительной внутренней борьбы он присоединился к движению «Свободная Германия».

Я знал в те дни Паулюса, читавшего Маркса и Ленина. Он уже говорил по-русски. Он не был тем живым трупом, каким мы видели его во дворе универмага, когда он вышел из подвала и садился в свой «штейер», чтобы следовать в штаб 64-й армии.

Так он шел к Нюрнбергскому процессу.

В Нюрнберге он обвинял не только сидевших на скамье подсудимых, он обвинял фашизм и милитаризм во всех их проявлениях, в какие бы тоги они ни рядились, какими бы лживыми словами ни прикрывались и где бы они ни существовали — на Западе или за океаном. Паулюс предостерегал от повторения кровавых ошибок отгремевшей великой битвы и от безумных мечтаний о расплате.

Не мудрено, что в Западной Германии на всех перекрестках поливают Паулюса помоями. Признания Паулюса — громовой удар для тех, кто сейчас изворачивается, лжет, оправдывает себя в чудовищных злодеяниях и готовит новые...

Могут спросить: достоверна ли эта история? Да. Однако хронология некоторых событий сознательно сдвинута. Писалось не историческое исследование, а на фоне действительных фактов исследовались сложные пути человека, слишком поздно понявшего гибельность и преступность дела, которому он верой и правдой служил вплоть до часа пленения.

ВО ИМЯ МИРА НА ЗЕМЛЕ

РАБОЧЕЕ УТРО

Еще над миром ночь сквозная,
Сны лезут в каждую кровать.
Но
«ши-ро-ка
страна мо-я род-на-я...» —
Пора вставать.
Еще по лицам бродит дрема,
Помят и заспан солнца лик.
Но,

Чертыхаясь на подъемах,
Ползет на стройку грузовик.
Пешком, в автобусах, трамваях
Спешит к цехам рабочий люд...

Земля тогда лишь оживает,
Когда рабочие встают!

Виктор КУМАКШЕВ

Горький.

СЧАСТЬЕ

Вхожу я в новые кварталы
Старинной улицы моей.
Строитель — главный запевала
Высокой радости людей.

На нем загар, как на солдате,
От солнца, стужи, непогод;
Он счастья светлого создатель,
Растущего из года в год.

Оно — румяное в коляске,
Глаза раскрывшее дитя,
Оно сегодня входит в сказки,
От наших дел не отходя.

Я знаю, что такое счастье,
И никогда не забывал
Былого черное ненастье
Да нищеты сырой подвал.

За каждой тонкой занавеской,
За всеми окнами оно
Как лучшей жизни довод веский
Для стран, где все еще темно.

Вхожу я в новые кварталы
Старинной улицы. Она
Прямей в плечах и шире стала
И тополями зелена.

Над нею звезды-уголечки
Горят и светят веселей,
Как те цветы, что по шнурочку
Садовник высадил на ней.

Семен ГОРДЕЕВ

Киев.

ПРИЗНАНИЕ

Я с тобою на «ты»
И с цветами на «ты»,
Мне хватает теперь
Красоты, чистоты,
Мне хватает теперь
Высоты, прямоты,
Мне хватает забот, маяты.

Как цветы уберечь
И сегодня и впредь?
Им — не сладкая речь!
Их — душою согреть!
А тебя?
От болезней,
От войн, от невзгод,
Ни на день,
Ни на два,
Ни на год!

Тьму раздвину плечом,
Постою на своем,
Если нужно,
Штыком, топором и пером,
Чтоб свершались мечты,
Зеленели сады...
Я с тобою на «ты»
И с цветами на «ты».

Михаил НАЙДИЧ

Свердловск.

ИДЕТ ЧЕЛОВЕК

Человек идет.
Человек идет.
Человек по земле впервые идет.
Это, право же, не беда,
Что качается он, как лодка,
Под которой бурлит вода.

Человек идет.
Человек идет.
Он идет себе — удивляется:
Отчего вокруг все качается?
И деревья, и тротуар,
И на небе блестящий шар,
Люди все, что ему встречаются,
Точно маленькие, качаются.

Светофор человеку мигнул,
А вот
На машины взглянул он строго:
Человек идет.
Человек идет.
Человеку — дорогу!

И прохожие расступаются.
Человек поглядит в глаза им —
И прохожие улыбаются:
Мол, идет по земле хозяин.
А ему пока нет и дела
До прохожих, до их забот.
Прямо к цели, упрямо, смело,
Чуть пыхтя, человек идет.
Он хитер — он не смотрит вниз,
Он — как опытный альпинист,
Доберется, здоров и цел.

Вот она, высокая цель.
Цель смеется. Она молода.
Как она человеком горда!
Человеку почти что год!
И пускай он устал немного —
Человек идет!
Человек идет!
Человеку — дорогу!

Алексей БАДАЕВ
Перевел с бурятского
Юрий РЯШЕНЦЕВ.

Улан-Удэ.

А. Пластов (Москва). ПОЛДЕНЬ.

М. Блищ (Минск). СОВХОЗ «ОКОЛИЦА».

Р. Окушко (Кишинев).

АСФАЛЬТ.

В. Жолток (Минск).

КОЛОКОЛЬЧИКИ ЛЕСНЫЕ.

СЛУЖБА МИЛИЦЕЙСКАЯ

В. ВАТИС,
капитан милиции

Рисунки Л. Хайлова.

Хлеб с маслом

Он сидел на стуле, небрежно положив ногу на ногу, выставив напоказ пестрые носки, с которых насмешливо улыбались обезьяньи морды. Вид его нас не удивил: таких парней нам приходилось уже видеть много раз, их страсть ко всему кричащему и необычному была уже не оригинальна. Но мысли парня, которые он высказал, откровенничая с нами, удивили и заставили насторожиться.

— В жизни меня ничего не привлекает, я бы давно уже покончил с этим миром, если бы был похрабрее. Но я трус, и поэтому у меня не хватает духу на маленький решительный шаг,— нагло и лениво цедил он сквозь зубы.— Работать не хочу, презираю такое времяпрепровождение. Обливаться потом, копаться в грязи, чтобы получить за это кусок хлеба,— нет уж, увольте! Я и так проживу. Кусок хлеба с маслом у меня всегда будет. Общество наше гуманное — человеку от голода умереть не дадут. Не верите? Дело ваше. Посмотрите на меня: не так уж я плохо выгляжу,— заканчивает он, потирая ладонью румяную щеку.

Я листаю пухлое дело по обвинению Вольдемара Суйтса в тунеядстве. Протоколы, справки, постановления товарищеских судов — они рассказывают довольно грустную историю девятнадцатилетнего бездельника.

Единственный сын у матери-портнихи, он ни в чем не знал отказа. Мать, боготворившая своего отпрыска, баловала его, выполняла все желания, стремилась лишь к тому, чтобы сын жил весело, беззаботно. Бросил школу — мать примирилась с этим. Отказался работать — мать повздыхала и, поплакав, решила: пусть отдохнет год-другой, еще успеет наработаться...

Я листаю дело и думаю о том, как быть с Вольдемаром Суйтсом. Самое простое и, казалось бы, верное — подписать постановление и направить материалы в народный суд. Будет решение, Вольдемара вышлют из Таллина и где-то там, в местах «не столь отдаленных» начнут приобщать к труду.

А может быть, попробовать самим? Это, правда, очень нелегко, но ведь в нашей милицейской работе никогда не бывает легких дел и простых проблем. Все-таки стоит попробовать.

Я, вообще говоря, глубоко убежден в том, что если бы наша работа с молодежью всегда была согрета теплотой и заинтересованностью в судьбе каждого юноши и каждой девушки, у нас не было бы тунеядства.

А между тем Вольдемар скучающе глядит на нас и попыхивает сигаретой. Ему все равно куда идти, все равно что делать. Он ко всему приготовился. Ему нужна хорошая встряска. Дорого бы я дал, чтобы зажглись мальчишеским любопытством и нетерпением глаза парня, чтобы потянулись руки к какому-нибудь стоящему делу!

— Ладно, Вольдемар,— наконец говорю я,— поедешь со мной.

— Мне все равно. Раз я в милиции, значит, подчиняюсь вашей силе,— напыщенно говорит он.

А дел у меня сегодня много. На заводе нужно встретиться с молодежью, рассказать ей о нашей работе, договориться о проведении молодежного рейда по цехам предприятий. В аэропорту надо поговорить с механиками: очень большой расход материалов у них. Не ворует ли кто-нибудь? В Таллинском морском порту выступить на собрании моряков о хулиганском поступке кочегара с плавбазы. Пусть Вольдемар поездит со мной по всем этим местам, а там видно будет.

На заводе Вольдемар зевал, стойко выдерживая насмешливые взгляды и ехидные замечания по поводу обезьяньих носков и зоологической рубашки. В аэропорту дремал. Оживился он лишь тогда, когда мы поднялись на борт белоснежного лайнера — плавбазы рыболовного флота.

«Вот тут-то мы и попробуем поймать тебя на крючок»,— подумал я. Уговорить его пойти хотя бы в один рейс. Путь неблизкий — Атлантика. За четыре месяца океанского плавания экипаж судна может сделать из него настоящего человека. Но Суйтс не глуп. Он отлично понимал, что в море не будет мамы, удобств, квартиры, приятелей-собутыльников. Нет, не согласится. Не та приманка.

А все-таки попробуем!

Перед началом собрания я поговорил с кочегаром базы Велло Приксом. Он понял меня с полуслова.

— Не беспокойтесь, товарищ капитан, обломаем вашего стилягу.

Он подошел к Вольдемару и, улыбнувшись одними уголками губ, сказал:

— Может быть, ваше величество желает осмотреть наш корабль?

Суйтс важно кивнул головой и двинулся за провожатым.

Когда собрание закончилось, из машинного отделения вернулись Суйтс и Прикс. Вольдемар подошел ко мне и, ткнув пальцем в грудь Велло, сказал:

— Я прошу вас, товарищ капитан, разрешить мне до суда сходить на один рейс в Атлантику. У меня с этим джентльменом заключено пари. Когда я его выиграю, готов отдать себя в руки правосудия.

Ай да Велло! Прямо Талейран, а не механик.

— А что за пари? — поинтересовался я.

— Вопрос принципиальный. Речь идет о моем человеческом достоинстве,— все с той же напыщенностью ответил тунеядец.

Через неделю я провожал плавбазу в Атлантику. Вольдемара трудно было узнать в матросской робе.

Прошло четыре месяца. Плавбаза вернулась в Таллин. Вольдемар пришел ко мне в уголовный розыск. Загорелый, с обветренным лицом и раздавшимися плечами, он стал настоящим мужчиной и моряком.

— Вот посмотрите,— сказал он мне, протягивая свою расчетную книжку.— Подходящий заработок? А? На кусок хлеба с маслом хватит?

Мне пришлось с ним согласиться. А Вольдемар, попыхивая сигаретой и задорно улыбаясь, сказал:

— Но пришел я не за тем, чтобы показать свою расчетную книжку. Прошу отсрочку. Пусть уважаемые судьи подождут еще четыре месяца. Снова иду в Атлантику. Я пока не выиграл пари.

Позже я узнал историю этого пари. В машинном отделении, куда Велло привел Вольдемара, когда тот впервые пришел на корабль, лихой механик пятнадцать раз поднял двухпудовую гирю. Тогда Вольдемар не дотянул и до пяти раз. Пришлось ему наслушаться во время этого матча немало обидных слов. И он решил «из чисто спортивного интереса и защищая свое человеческое достоинство», доказать Велло и всем другим, что он тоже имеет право называться мужчиной.

Теперь они уже почти сравнялись. Но Велло все еще впереди на четыре жима.

...Недавно у пропахших рыбой причалов Таллинского порта вновь ошвартовалась плавбаза. Среди моряков, сходивших на берег, я увидел своего старого знакомого. Он важно кивнул мне и сказал:

— Джентльмен тунеядства стал матросом первого класса. Это вас устраивает?

Нас это устраивало...

Судно идет в Атлантику!

Телефонный звонок.

— Срочно прошу вас приехать в рыбный порт, на наш траулер. Он стоит на первом причале. Говорит с вами капитан.

Попытался выяснить, в чем дело, какая беда случилась на траулере. Но капитан твердил, что по телефону рассказать ничего не может, и просил приехать.

Честно говоря, ехать не хотелось. На столе высилась груда бумаг — неразобранная почта. За день пришлось побывать в десятках мест. Выжали из нашей старенькой «Победы» весь суточный лимит бензина. Но у преступников

на безобразия лимитов нет, а на бензин для их поимки, как ни странно, наши хозяйственники лимит установили.

Накинули на плечи плащ-палатки, для консультации взяли с собой самого старого нашего сыщика — Иллара Сурна (ему уже тридцать исполнилось!) — и в порт.

Несмотря на мелкий въедливый дождик, вся команда траулера собралась на корме. Курили, переговаривались шепотом, настороженно следили за нами.

Капитан, седоватый мужчина, с хриплым баском «морского волка», завел нас в свою тесную каюту и объявил:

— Подумайте, на нашем судне вор! Никогда этого не было. До выхода в море остается всего два часа. Не могу же я идти в Атлантику с вором на судне!

После десятиминутного перекрестного допроса нам удалось выяснить, что вчера вечером кок Луми получил двести килограммов свинины—на весь рейс. Разрубил ее по всем правилам и спрятал в холодильник. А сегодня утром обнаружил, что почти все мясо пропало. Искали всюду, но ничего не нашли. Команда подозревает кока и требует списать его на берег. Для подозрения есть основание. Кок частенько выпивает, а сегодня явился на судно

лишь час назад, весь в синяках и ссадинах.

— Это после кутежа, — категорически заявил капитан.

Позвали кока. Он вошел в каюту боком, стараясь повернуться к нам левой, относительно благополучной половиной лица.

— Не брал я этого мяса. Честное слово, не брал! — как-то особенно тоскливо проговорил он.— Ребята на меня думают, а напрасно. Все равно ведь я за продукты отвечаю. Сейчас денег нет, а после рейса я за все украденное рассчитаюсь. Чтоб не страдал никто и не думали, будто вор — Луми.

Мы с Илларом переглянулись. Нет, кок не вор. За это можно поручиться. Какой ему смысл, можно сказать, в открытую воровать да еще за несколько часов до выхода в море!

Но как переубедить капитана, команду? Не в деньгах суть.

— Я с вором на борту не отойду ни на дюйм от пирса! — горячился капитан.— Да и команда не желает такую пакость везти в Атлантику. Получай, Луми, свои документы—и скатертью дорожка.

— Не сойду! Не могу уйти! — с болью говорил кок.— У меня семья, дети. Что я скажу им, если меня спишут на берег? Что выгнали, как вора, с корабля? Да это позор всей нашей фамилии, позор до конца жизни! Ну чем я могу доказать, что я не вор?

И тут случилось неожиданное. Кок всхлипнул совсем по-мальчишески, с прихлюпом. От него, этакого верзилы, даже капитан не ждал такого и растерялся. Смущенно переминались матросы, собравшиеся возле капитанской каюты.

Что делать? Я попросил всех выйти из каюты. Луми успокоился и довольно связно рассказал мне, что вчера вечером познакомился с двумя какими-то субъектами в ресторане. Пили. Это помнит. Пили до тех пор, пока деньги не кончились. Потом поехали все вместе на траулер, и кок из чемодана взял еще денег. Помнит, что, выйдя на палубу, субъектов уже не нашел. Похоже было, что кок говорит правду.

Я вышел на палубу, стал на ящик и громко сказал окружившей меня команде:

— До выхода в море осталось два часа, точнее, час пятьдесят минут. За это время мы надеемся вам сказать, кто совершил кражу. А кока не трогайте, парню и так солоно.

И опять мчится наша старушка машина сквозь дождевую кисею. Сзади посапывает Иллар: пустяковое дело, он такие не любит. А нас, как говорят оперативники, «завело». Ведь не в мясе дело, о доверии к людям идет речь.

Ради того, чтобы восстановить честное имя человека, стоит потрудиться. Хорошо, что кок запомнил все приметы своих собутыльников: искать легче.

В ресторанчике сразу же назвали тех, чьи приметы я описал. Это были завсегдатаи — сапожник «Бытремонта» по имени Сулев и инвалид-пенсионер Иванов. Швейцар ресторана вызвался проводить нас к нему, он, оказывается, живет рядом, в переулке.

По грязной лестнице поднимаемся на второй этаж. Дверь открывает пожилая, неряшливо одетая женщина.

— Вам кого?

— Иванова бы мне!

— Мишка, к тебе пришли! — крикнула она куда-то в комнаты и, не приглашая меня войти, но и не закрывая дверь, ушла на кухню. В комнате Иванова на столе стояло блюдо с дымящимся мясом.

— Уголовный розыск,—негромко представился Иллар и, указав на блюдо, деловито спросил:

— Где взяли?

— Это я еще весной в колхозе заработал. Засолили его — сохранилось. И справка, между прочим, имеется тоже,— нагловато ответил Иванов.

Посмотрели справочку. Действительно, как будто все в порядке: штамп, печать, подпись-закорючка, — не подкопаешься!

— Не расстраивайтесь, товарищи,— успокаивал нас Иллар, когда мы вышли во двор.— Сразу не вышло — потом получится.

— Но ведь там команда. Не могут моряки идти в океан, не узнав правды!

Иллар вздохнул и закурил сигарету: значит, и его допекло.

— Ладно,— сказал я,— пойдем к людям, потолкуем с ними.

Мы вышли во двор. Дождь разогнал всех по квартирам, и лишь у железной бочки, стоящей под водосточной трубой, босоногая, насквозь промокшая девочка лет тринадцати, шмыгая посиневшим носом, пускала кораблики.

— Кадра неважная, но за неимением лучшего сойдет, — сказал Иллар.

Однако «кадра» оказалась с секретом. Едва мы заговорили об Ивановых, как из нее забил фонтан семейной хроники незадачливого инвалида. В пять минут мы узнали больше, чем мог сам Иванов рассказать нам о себе даже за трехчасовой допрос.

— А еще они все мясо да мясо едят,— тараторила девчонка, — сначала, весной, из колхоза привезли, но его быстро съели и продали немало тоже. Я у них еще сама последнюю кость покупала. А вчера опять предлагали купить мясо: наверное, опять в колхоз ездили. У них подушка даже есть — специально для мяса.

На что Иллар флегматик, но даже он не выдержал: подбросил девчонку вверх, чему она вовсе не обрадовалась, и протянул ей конфету, бог знает с каких времен завалявшуюся в кармане.

— Ну держись, Иванов!

Правда, заставить его говорить искренне и чистосердечно оказалось не простым делом. Но это позади. Машина мчит нас в порт.

— Линк, милый, поднажми, до отхода траулера пятнадцать минут осталось. Успеть надо! — молю я шофера.

Он молча пожимает плечами: из машины выжато все. Мы уже несколько раз нарушали правила уличного движения.

И все-таки судно уйдет в Атлантику! С Луми!

Иллар хоть и помалкивает, но тоже доволен: не всегда выпадает такая удача — и преступника найти и спасти доброе имя честного человека. А пить он наверняка бросит, этот Луми. Урок он получил весьма основательный.

Туристский автобус

День подходил к концу, а вместе с ним и мое дежурство по управлению. Я уже совсем собрался идти домой, и вдруг звонок, длинный, настойчивый. Я опасливо покосился на телефон: так обычно звонит междугородный. Значит, где-то случилась беда и нужна наша помощь. Придется отложить ужин.

Я не ошибся. Вызывал Ленинград. Диспетчер «Ленэнерго».

— У вас в Таллине сегодня гостит группа ленинградских энергетиков. Они приехали на туристском автобусе. Среди них машинист Клим Петрович Анисимов. Только что случилось несчастье с его дочерью, ее жизнь в опасности. Нужно, чтобы отец срочно

вернулся домой. Помогите, товарищ дежурный, найти его.

Таллин — большой город. В этот погожий летний день здесь было немало туристских автобусов из Ленинграда, Риги, Вильнюса, Минска и других городов. Как найти тот, на котором приехал Анисимов? Диспетчер «Ленэнерго» не могла сообщить даже его номера. Трудно? Очень. Но Анисимова найти необходимо.

Даю своему помощнику сержанту Куузе городскую телефонную книгу.

— Звони во все гостиницы подряд. Предупреди всех администраторов о том, что, если появится кто-либо из «Ленэнерго» или сам Анисимов, немедленно звонить по «02».

— Они не обязательно в гостинице остановятся. Да и времени сколько уйдет, пока обзвонишь,— ворчит Куузе,— у нас и другая работа есть, посты проверять надо.

Такой уж парень Куузе — не может, чтобы не поворчать. Но я твердо знаю, что во все гостиницы и общежития он все-таки позвонит.

Что еще можно сделать? Шофер дежурной машины Антс Тоомингас, заметив мою нерешительность, тихонько подсказывает:

— Надо инспекторов ГАИ подключить к этому делу, товарищ капитан, пусть ищут автобус.

— Верно, Тоомингас, хорошая мысль.

Подхожу к радиотелефону. В эфир несутся позывные раций, установленных на всех милицейских автомашинах и мотоциклах:

— Туристский автобус из Ленинграда, на котором приехали энергетики, необходимо обнаружить и направить в Управление милиции.

Томительно тянется время. Снова звонит телефон. Диспетчер «Ленэнерго» волнуется: найден ли Анисимов? Отыскался ли туристский автобус из Ленинграда?

— Пока не найден. Но мы все делаем, чтобы его найти. Понимаем, как важно отцу сейчас быть рядом с дочерью. Потерпите еще немного, товарищ диспетчер.

В дежурной комнате собралось много народа. Пришли оперативные работники, эксперт, шоферы дежурных машин, комендант. Все уже в курсе событий, и каждый понемногу нам помогает в поисках Анисимова.

Приметы Анисимова, сообщенные диспетчером, известны на всех вокзалах, в аэропорту, на автобусной станции: он ведь может уехать из Таллина и не на туристском автобусе!

Наш комендант, о чем-то посоветовавшись с экспертом, смущенно предлагает:

— Было бы полезно проверить кафе и столовые, хотя бы те, в которых обычно бывают туристы.

Умница Иван Петрович! И вот уже, завывая сиреной, мчится дежурная машина к центру города. У Ивана Петровича хоть и выходной, но все же он сам поехал «внедрять в жизнь» свое предложение.

И вновь томительно тянется время.

Вернулся наш комендант — и у него ничего утешительного. Зато есть новый план:

— Неплохо было бы сообщить на лодочную станцию, по кинотеатрам тоже можно пройтись.

И хотя его давно уже ждет жена с воскресными пирогами, он и эту работу берет на себя. Чудесные у нас люди в милиции! Внешне грубоватые, суровые, они способны на сердечную отзывчивость, на большую человечность. Смотришь на них и удивляешься, почему детей пугают милиционером, как когда-то «бабаем» или «домовым». Явная несправедливость!

Уже около полуночи мне позвонили из гостиницы «Палас».

— Кто искал туристов из «Ленэнерго»? Я руководитель делегации.

Если бы мне позвонил начальник отдела кадров и сообщил о том, что мне вне очереди присвоено звание майора, я бы, наверное, в тот момент меньше обрадовался.

— Мне звонили из Ленинграда,— заговорил я.— У члена вашей делегации, товарища Анисимова, дома случилась беда — несчастье с дочерью. Ему срочно надо выехать в Ленинград.

— Ясно, все понял,— отозвался руководитель делегации.

— Только вы осторожнее все сделайте, подготовьте человека,— попросил я.— Не у всех ведь крепкие нервы.

— Конечно, сделаем все, как нужно. Большое, большое вам спасибо.

Вот и вся история. Отец вовремя приедет к дочери, мы сделали все, что могли. Теперь, когда Анисимов уже найден и все волнения позади, можно уходить с затянувшегося дежурства.

Суд памяти

Лет восемь назад в журнале «Октябрь» была напечатана первая юношеская поэма Егора Исаева «Над волнами Дуная», посвященная борьбе за мир. Потом в «Комсомольской правде» появилось начало его новой поэмы «Суд памяти». И стало ясно: Исаев — яркий, сложившийся поэт-лирик, поэт-публицист. Он остался верен одной из важнейших тем современности — борьбе за мир. Товарищи, следившие за его творчеством, с нетерпением ждали опубликования всей вещи. Автор не спешил. Шли годы. И вот в июньском номере «Октября» за 1962 год «Суд памяти» наконец опубликован полностью.

В новой поэме Егора Исаева зрелость мысли удивительно слилась с росной свежестью чувства. Словно с высокого холма, смотрит поэт на мир, видя целые континенты и мельчайшие травинки. И его тревога за судьбы мира не может не передаться читателю.

...Берега Рейна. По вешней земле идет немолодой, угрюмый человек. Это Герман Хорст, бывший гитлеровский солдат, а теперь безработный. Зеленеющие поля принадлежат не ему. И вдруг на пути ничейный полынистый пустырь, забытое стрельбище. Здесь молодой Хорст когда-то учился поражать в сердце макет противника.

Но тот — фанерный —
Под откос
Не падал человек.
Не отвечал огнем, чудак,
Не клял,
Не умолял.
А он — живой —
Стрелял,
Да так,
Чтоб насмерть,
Наповал.
С плеча!
Откинувшись слегка,
С колена!
Лежа бил!..
Пустырь.
Могильная тоска,
Хотя здесь нет могил.

Забытое старое стрельбище, засеянное пулями разных калибров. Поэт нащупал нитку, взявшись за которую можно распутать клубок злодеяний гитлеровцев и их предшественников, отцов германского милитаризма. Потом это стрельбище разрослось до гигантских размеров. Отсюда на Запад и на Восток хлынула лавина огня, отсюда бросил фюрер на мирные народы своих натренированных убийц. И Герман Хорст в той лавине был малой огневой точкой.

Хорсту твердили, что он «должен быть жесток и, как взрыватель, прост». Но в груди солдата стучало живое сердце, в котором пробивался запретный росток, хранящий и материнскую улыбку, и Рейн, и тишину, и свет девичьих глаз. Отсюда, со дна небронированного сердца, как ртуть, потом станет подниматься страх, нараставший у таких, как Хорст, вместе с беспощадным огнем возмездия, наконец отбросившего гитлеровскую армию к руинам Берлина.

Уцелевший Герман Хорст сменил солдатскую шинель на рабочую спецовку. Но его совсем не интересует, где он работает и что производит. И здесь, как когда-то на фронте, он живой автомат. Главное — покой, домашний уют. К чему большая политика! Он обзавелся семьей, растит сына. «Кино в субботу. Кирха в воскресенье. Все было так незыблемо... И вдруг...» Хорста рассчитали, как когда-то в юности.

И вот он стоит, безработный на безработном стрельбище. Есть о чем вспомнить Хорсту... Но не для воспоминаний пришел сюда вчерашний солдат. Он предприимчив: убитых не вернуть, а свинец во много раз дороже винограда. Домой Герман вернулся с рюкзаком, туго набитым пулями. Да, да, пулями, из которых над газовой плитой напают свинцовые слезы. Война мало чему научила Хорста. Ему плевать, что из его свинца будут делать потом. Лишь бы была довольна и сыта его семья. Ох, как живуча эта маленькая философия маленького человека!

Дальше, дальше рапутывается клубок, связавший воедино стрельбище и патронный завод, на котором в юности работал Хорст, когда «коммунистов ставили к стене».

А Хорст не ведал, стоя
у станка,
Как страшно тяжела
его рука.
Работа есть работа!
Без помех.
Патронный цех,
Как макаронный цех.
Сопел станок —
Плевок!
И на лоток
Срывалась пуля
ростом с ноготок —
Праматерь всех снарядов
и ракет.

Здесь ритм стиха, нанизанные одна на другую внутренние рифмы подчеркивают бездушность станка и Хорста.

Рядом с Германом работал Ганс, считавший, что «патронный цех, как похоронный цех», Ганс, попавший затем на Восточный фронт и испытавший на себе весь ужас и позор разгрома. Теперь, много лет спустя, встретившись с Германом на заброшенном стрельбище, Ганс рассказывает о своих хождениях по мукам в зимней выжженной степи, о молчаливом суде над ним русских стариков и женщин, спасших в своей землянке замерзавшего немецкого солдата.

Но Хорста и потрясающий душу рассказ Ганса не пронимает. Он думает об одном: свинец — хороший бизнес. Вместе с безногим Куртом, негодующим на то, что на развалинах войны дети играют в войну, вместе с много повидавшим Гансом мы начинаем возмущаться аполитичностью Германа. Не благодаря ли ему подобным пришел к власти Гитлер, а теперь вербует новые полки Аденауэр? До каких пор будет дремать обывательская душа Хорста, которую так тонко, без пережима поэт вывернул наизнанку?

«Запомни, Хорст, как дважды два: огонь — он возвращается!» — говорит безногий Курт Гофман.

Ему вторит гневный голос поэта:

...И кровь лилась!
Большая кровь лилась
Всеевропейским пятым
океаном.

Погибли миллионы людей. «Целая страна ушла ко дну, в дымы ушла, в коренья». А пули лежат в земле. Их, свинцовых, не берет тление. Пройдут дожди — они не прорастут. Спокойно спит Хорст. А может быть, и не было убитых? Он не чувствует за собой никакой вины, этот маленький винтик чудовищной гитлеровской машины.

Но нет, ходит по земле босая Память, маленькая женщина. На голове ее меняются платки — знамена стран, потрясенных войной. И вот в одну из таких ночей она придет к Хорсту, когда тот будет плавить пули над газовой плитой. Придет и скажет:

Я мать тобой убитых
сыновей.
Тобой убитых.
И тобой забытых.
...— Но я же рядовой...
А рядовых,
Сама ты знаешь,
за войну не судят.
— Нет, судят, Хорст!

Свершается невероятное. Все пули, выпущенные когда-то солдатом Хорстом, возвращаются к нему. «Я без тебя, без глаз твоих не целеустремленная!» — говорит первая из них. За ней посыпались вторая, десятая, сотая... Впрочем, это дождь барабанит по крыше. Хорст проснулся. Но радоваться рановато. За окном — шаги, шаги живых солдат, которых гонят на вновь открытое стрельбище, где берут свое начало две предшествующие войны. Кончился бизнес маленького Германа Хорста, начинается бизнес Аденауэра и его заокеанских хозяев, тех, что теперь роняют в Тихий океан атомные боеголовки.

Опомнись, Хорст, пока не поздно! На земле не должно быть ни одного человека, безучастного к преступной игре с огнем. Поэт верует в разум, в силы света. Как гимн человечеству, звучат торжественные строфы:

Земля добра.
И голубая Вега
Не может с ней сравниться,
С голубой.
Она
Собой
Вскормила человека
И гордо распрямила
над собой.
Дала ему сама себя
в наследство
И разбудила мысль
В потемках лба,
Чтоб превозмог свое
несовершенство
И победил
В самом себе раба,
Возглавил труд
И совершил рывок
В надлунный мир...

Шесть лет писал Егор Исаев свою поэму. Если в начале ее еще чувствуется влияние поэтов старшего поколения, то в финале автор выступает как зрелый мастер, с собственным голосом, в котором то нежно вызванивают лирические ноты, то властно гремит медь публициста, встревоженного думой о судьбе нашей планеты. Поэма эта писалась на моих глазах — от первого замысла, о котором Егор Исаев рассказал покойному Федору Панферову и своим сверстникам, до последнего обсуждения уже почти завершенной поэмы на Высших литературных курсах, где товарищи, обрадованные удачей поэта, дали ему немало дружеских советов.

Егор Исаев вложил в эту поэму свою солдатскую юность, видавшую Европу с глазу на глаз, зорко подмечавшую чужие обычаи, чужую психологию, чужую мораль. Много дала поэту учеба у Александра Довженко, великого художника нашей эпохи, повлиявшего не только на киноискусство, но и на литературу. Отмечаешь запоминающиеся детали, умение мыслить масштабно и в то же время очень конкретно, видеть небо, но не забывать и о земле...

Поэма Егора Исаева «Суд памяти» является одним из самых значительных произведений советской поэзии последних лет.

Вл. ФЕДОРОВ

Нескончаемым потоком шли по трапам гости к советским

СОВЕТСКИЕ

Взаимные дружеские визиты кораблей Военно-Морских Флотов СССР и Швеции вошли в обычай, стали хорошей и прочной традицией. Шведские военные моряки были гостями Мурманска и Ленинграда. Советские крейсеры и эсминцы отдавали якорь в гаванях Гетеборга и Стокгольма. На этот раз в Стокгольм с ответным дружеским визитом прибыл отряд кораблей Краснознаменного Балтийского флота в составе плавбазы «В. Котельников» и подводных лодок с бортовыми номерами «100», «134», «138». Командовал отрядом контр-адмирал П. П. Кулик.

Четыре дня были очень плотно заполнены дружескими встречами, экскурсиями, спортивными состязаниями. Советские моряки побывали в местах, связанных с деятельностью В. И. Ленина, в Королевской библиотеке, где он работал.

Два дня непрерывным потоком жители шведской столицы шли к набережной Стадегарден, где ошвартовались наши корабли. В эти дни «В. Котельников» был открыт для осмотра. Множество теплых записей оставили шведы в книге отзывов.

18 июня проводить советских подводников пришли тысячи стокгольмцев.

Т. ГАЙДАР

Фото специального корреспондента «Огонька» Я. РЮМКИНА.

На борту подводных лодок побывали дипломаты. ←

морякам.

Матросский танец для стокгольмских детей.

ПОДВОДНИКИ В СТОКГОЛЬМЕ

Советские матросы во время экскурсии по городу фотографируют солдата, стоящего на карауле у дворца шведского короля.

Днем и ночью от советских военных кораблей не расходились толпы людей.

Молодежь всегда найдет общий язык.

Выступление ансамбля песни и пляски Краснознаменного Балтийского флота в городском парке Стокгольма.

В первый раз всматриваются новосибирские десятиклассницы в узор перфокарты, той самой, что командует вычислительными машинами.

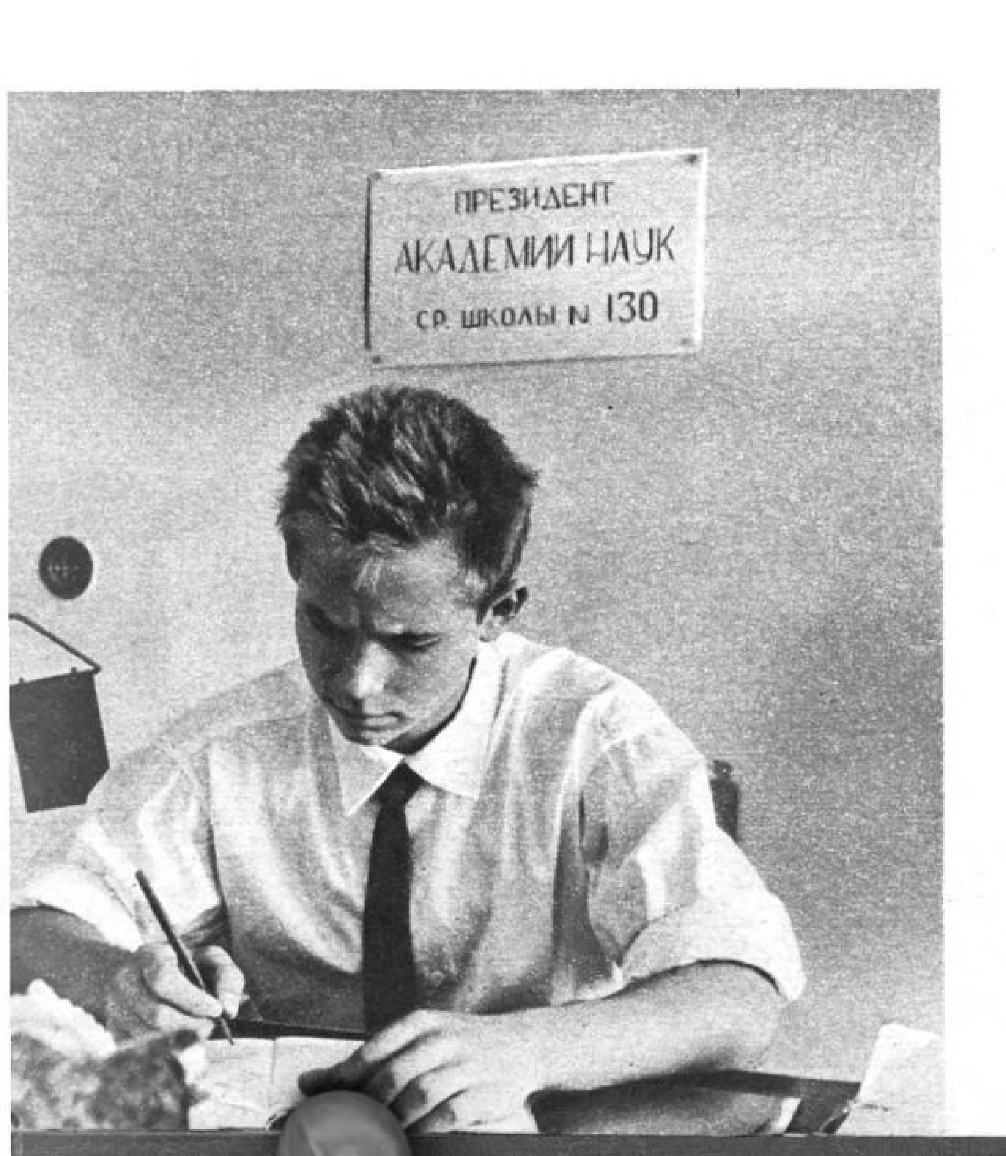
СИБИРСКАЯ ОЛИ

Академик М. А. ЛАВРЕНТЬЕВ

Будущее!.. Мы смотрим в тебя непрерывно. Без заглядывания в твои дали, без планирования не будет ни роста заводов, ни повышения урожая, ни завоевания космоса...

Уже сегодня старшее поколение ученых волнует вопрос, кто же наполнит лаборатории страны коммунизма. Как правильно поступить, чтобы в математику и физику пришли все, кто имеет наклонность и талант?

Об этом мы попросили рассказать председателя Сибирского отделения Академии наук СССР академика Михаила Алексеевича Лаврентьева.

В школе № 130 открылась собственная академия наук.
←

— Чем вызвано привлечение школьников к обучению в системе Академии наук?

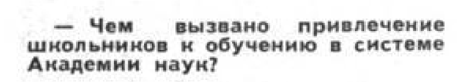
— Конкретный путь в будущее наметил XXII съезд КПСС, принявший историческую программу строительства коммунизма. Перед советской наукой были поставлены грандиозные задачи, осуществление которых окажется возможным только при пересмотре ряда точек зрения на систему подготовки кадров.

Мы знаем, что меры, принятые партией и правительством по увеличению выпуска специалистов в области математики и физики в университетах и специальных вузах, сыграли свою положительную роль. В настоящее время специалистов в этих областях значительно больше, чем в довоенное время.

Между тем бурное развитие физико-математических наук, в частности ядерной физики, ракетной техники, радиолокации, кибернетики, создало такое положение, когда потребность в специалистах физико-технического профиля намного превышает их выпуск. Это приводит к тому, что выпускники ведущих университетов и специальных вузов почти полностью уходят в научно-исследовательские институты и промышленность, а число специалистов высокой квалификации по физике и математике в средних школах резко уменьшилось.

Такое явление несет в себе большую опасность, ибо уровень физико-математической подготовки в средней школе снижается и вместе с ним пропадает интерес учащихся к этим наукам. В результате приток способной молодежи сокращается.

Чтобы исправить создавшееся

положение, сибирские ученые предложили изменить систему преподавания не только в университетах, но и в средних школах. В настоящее время мы проводим своего рода педагогические эксперименты: Всесибирскую заочную и очную олимпиаду по физике и математике среди учащихся школ, техникумов и рабочей молодежи, имеющей среднее образование. Для наиболее способной молодежи у нас в Сибирском отделении Академии наук СССР будет организована двухмесячная летняя школа. Мы намечаем также создать школу-интернат со специальной программой в Академгородке СО АН СССР для старших классов. Нам думается, что все это поможет повысить качество подготовки уча-

щихся, поступающих в университеты Сибири.

— Каким образом проводится Всесибирская физико-математическая олимпиада?

— Наша олимпиада должна расширить и углубить знания учащихся в области физики и математики в объеме, превосходящем школьную программу. Мы хотим, кроме того, выявить способности учащихся, создать актив среди молодежи и организовать на его основе кружки по физике и математике.

Олимпиада проводится в два тура: заочный и очный. Условия ее заключаются в решении предлагаемых задач различной степени трудности. Для учащихся восьмых, девятых и десятых классов олимпиада проводилась одновременно как по физике, так и по математике. Задачи этого тура были разосланы во все школы Сибири.

Сейчас мы закончили разбор школьных работ, поступивших к нам из Новосибирска, Омска, Барнаула, Тикси, Кемерова, Томска и из многих других городов и сел. Приятно отметить, что в олимпиаде приняли участие и молодые рабочие заводов и школьники из отдаленных небольших сел. А вот, например, ученики десятого класса средней школы № 10 города Новосибирска все до одного прислали письма с решением предлагаемых задач. Всего же заочный тур олимпиады привлек около 1 300 школьников.

Все победители первого тура примут участие во втором, очном туре. Он будет проводиться фактически в каждом областном центре. Юноши и девушки, показавшие на олимпиаде лучшие знания и способности по физике и математике, будут приглашены в летнюю двухмесячную школу в Научном городке Сибирского отделения Академии наук СССР.

— Чем она отличается от обыкновенного летнего лагеря?

— В этой школе-лагере, кроме различных культурных, спортивных и оздоровительных мероприятий, будут систематически проводиться специальные лекции и собеседования по физике и математике. Мальчики и девочки подробно познакомятся с работой институтов Академии наук и лаборатории вычислительного центра. А закончится пребывание ребят в лагере специальным конкурсом сибирской олимпиады и интересным туристическим походом.

— Вы упомянули о создании специальной школы-интерната. Что она будет из себя представлять?

— Это — интересное и очень важное дело, на которое мы возлагаем большие надежды. Принимать в школу будут способных, всесторонне развитых, активных детей. При отборе, разумеется, придется учитывать разницу в степени подготовки учащихся, связанную с неравномерным качеством преподавания в разных школах Сибири.

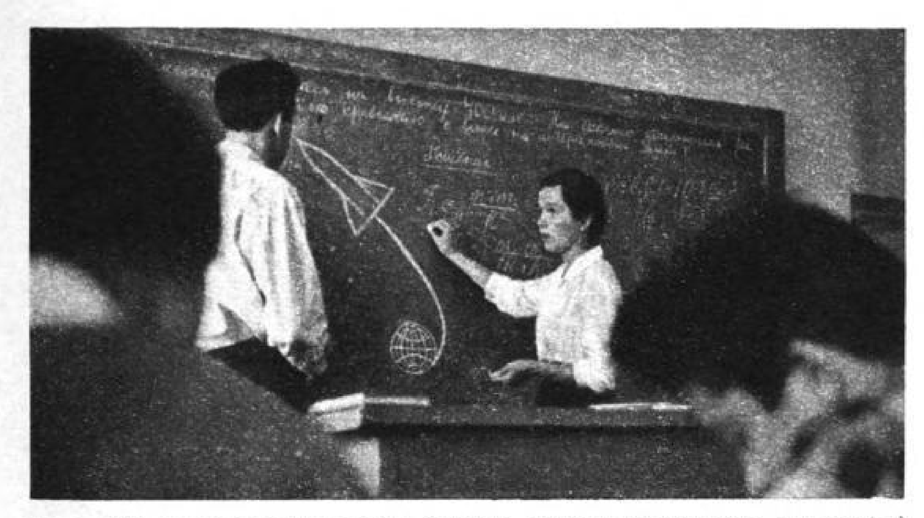
Наша школа-интернат — в своем роде педагогический эксперимент. Мы предполагаем познакомить ее будущих учеников с учеными многих специальностей, показать лаборатории институтов и опытных производств разных профилей.

Воспитателями девятых, десятых и одиннадцатых классов останутся в основном штатные преподаватели иностранного языка, литературы и русского языка. Такие предметы, как физика, математика и химия, будут преподаваться учеными Сибирского отделения АН СССР по особой программе, учитывающей современные требования и состояние науки.

По окончании школы-интерната учащиеся получат профессию лаборантов — физиков, химиков, вычислителей. Сибирские ученые надеются, что их выпускники будут достаточно хорошо подготовлены как теоретически, так и практически для поступления в университет или для работы в научно-исследовательских институтах, а также в промышленности.

МПИАДА

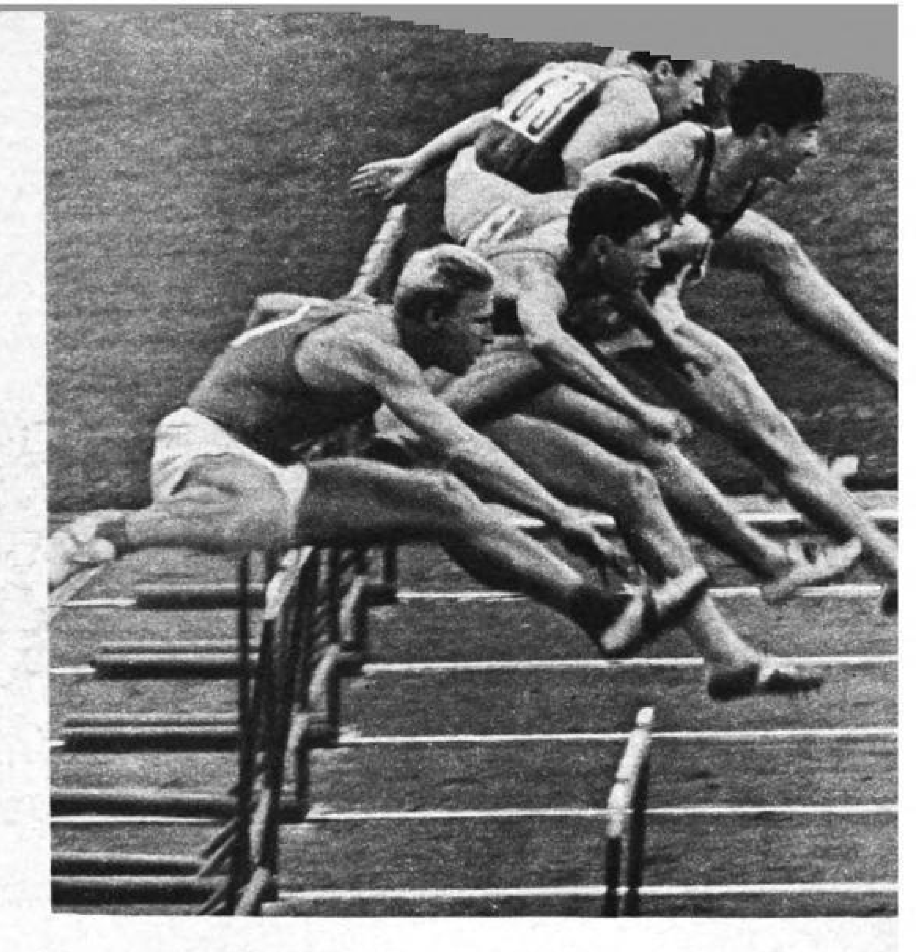
Фото М. Начинкина.

Здесь уже сегодня ведут уроки физики ученые Сибирского отделения АН СССР.

Защищается школьная диссертация. Оппоненты строги и придирчивы.

БРАТЬЯМ-СТАЙЕРАМ

Они были замечательными бегунами, эти спортсмены. Когда в дни соревнований они бежали по гаревой дорожке, их алые с белой полосой спартаковские майки виднелись только впереди.

По темпам нашего быстрого времени это было давно, в тридцатых годах. Но очень многие хорошо их помнят. И говорят, следя за тем, как развертывается упрямая борьба на самых трудных, стайерских дистанциях: «Сюда бы в самую пору Серафима и Георгия Знаменских!..»

Славному имени братьев посвятили советские легкоатлеты одно из самых крупных спортивных событий. Это стало традицией. Из многих стран мира приезжают на международные соревнования на приз имени Знаменских лучшие мастера бега, прыжков, метания.

Так было и на этот раз. В Москве, на стадионе имени В. И. Ленина, собрались легкоатлеты, чьи имена хорошо знакомы спортивному миру. Мы видели на стартах быстрого итальянца Серджио Оттолину и корейскую девушку Син Ким Дан; подруги-рекордсменки румынка Иоланда Балаш и наша землячка Тамара Пресс снова радовали своим великолепным мастерством. Мы горячо аплодировали стремительному и выносливому Милкху Сингху — гостю из Индии и москвичу Игорю Тер-Ованесяну, совсем недавно отвоевавшему мировой рекорд по прыжкам в длину у, казалось, непобедимого американца Ральфа Бостона...

Но, конечно, в центре событий оставался стайерский бег. Именно здесь, на дистанциях 1 500, 5 000 и 10 000 метров, разыгрывались главные призы.

Огромная чаша стадиона взрывалась страстными криками, когда шел бег на пять километров. Можно было подумать, что очень драматично сложится борьба: тенью следовали за П. Болотниковым его товарищи по команде А. Артынюк, Ю. Никитин и венгерский спортсмен Б. Секереш. Эта четверка намного оторвалась от остальных. Кто победит?.. Мощным был финишный бросок Петра Болотникова. Приз снова завоевал наш нестареющий мастер.

И второй главный приз, в беге на десять километров, достался советскому стайеру. Молодой бегун из города Фрунзе Леонид Иванов быстрее всех пробежал долгие двадцать пять кругов.

Бег на полтора километра выиграли гости: английский спортсмен Д. Андерсон и поляк З. Ковальчик. Мы говорим — выиграли, потому что произошел редкий случай: оба показали совершенно одинаковое, до десятых долей секунды, время, хоть и выступали в разных забегах!

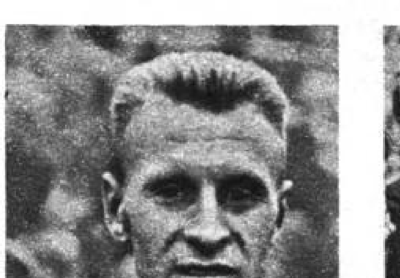
Дождливая погода помешала показать высокие результаты.

Но соревнования сделали свое дело. Ведь скоро традиционный матч с легкоатлетами США. И так получилось, что снова, как много лет назад, братья позвали вперед тех, кто идет за ними в спортивной борьбе к победе.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Фото А. Бочинина.

Петр Болотников снова стал победителем в беге на пять километров.

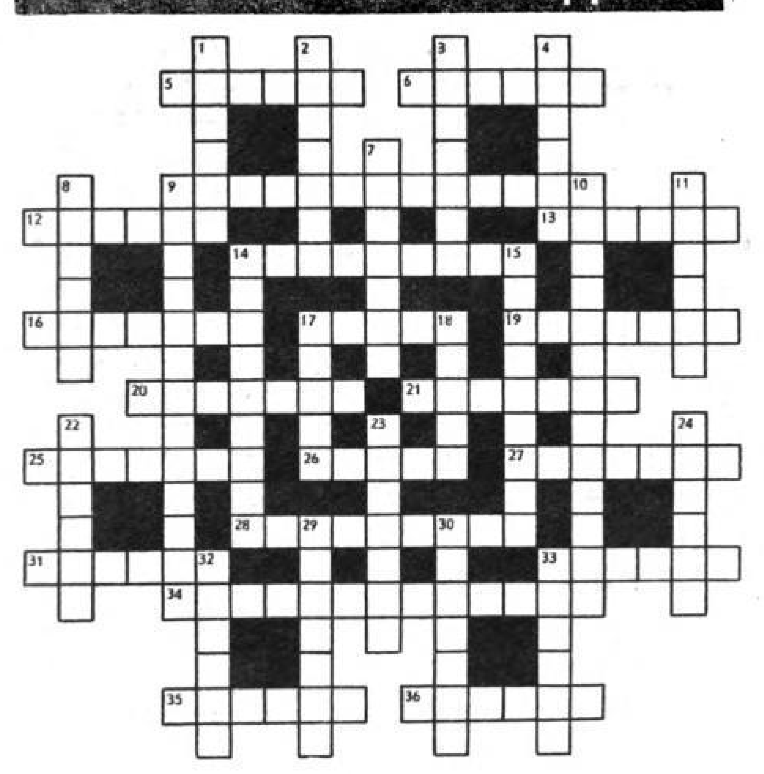
Три подруги (слева направо): Тамара Пресс, Син Ким Дан, Иоланда Балаш.

↓ Так Игорь Тер-Ованесян готовился к прыжкам...

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автор памятника К. Минину и Д. Пожарскому в Москве. 6. Сатирический киножурнал. 9. Дневная бабочка. 12. Озеро в Швеции. 13. Армянский поэт. 14. Часть опоры вращающегося вала. 16. Город в Великобритании. 17. Печатное издание. 19. Легковой автомобиль с закрытым кузовом. 20. Специалист по сельскому хозяйству. 21. Картина Н. А. Ярошенко. 25. Темно-синяя краска. 26. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 27. Сплав олова и свинца. 28. Пресноводная рыба. 31. Горючее. 33. Летопись. 34. Сотрудник газеты, журнала. 35. Дорога, путь. 36. Осушение почвы.

По вертикали:

1. Норвежский исследователь Арктики. 2. Остров в Балтийском море. 3. Оратор и писатель Древнего Рима. 4. Женская кофточка. 7. Русский механик-изобретатель. 8. Созвездие южного неба. 9. Геометрическая фигура. 10. Музыкальное сопровождение. 11. Лесная птица. 14. Роман Ф. М. Достоевского. 15. Подземная галерея для укладки труб. 17. Массовый спортивный забег. 18. Приток Миссисипи. 22. Помещение для хранения продуктов. 23. Кормовая репа. 24. Возвышенность на берегу Волги в Куйбышевской области. 29. Полудрагоценный камень. 30. Грузинский музыкальный инструмент. 32. Месяц года. 33. Театральное объявление.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

3. «Медея». 6. Послесловие. 9. Корфу. 10. Ибсен. 11. Зелинский. 16. Лестница. 18. Персонаж. 19. Припять. 20. «Рыжик». 21. Марка. 22. Раствор. 25. Фибролит. 26. Охлопков. 27. Журналист. 29. Школа. 30. Ртуть. 31. Пентатоника. 32. Почта.

По вертикали:

1. Перестиани. 2. Кетлинская. 4. Комуз. 5. Фидий. 7. Вольтижировка. 8. Петрокрепость. 12. Георгин. 13. Миткаль. 14. Храмуля. 15. Балатон. 17. Апорт. 18. Пьеро. 23. Спендиаров. 24. Вежливость. 27. Жакет. 28. Тракт.

На первой странице обложки: Внук великого русского писателя Льва Николаевича Толстого — агроном Владимир Ильич Толстой со своей внучной Наташей.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Вечер на Оке.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00495 Подписано к печати 3/VII 1962 г.
Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1109. Заказ № 1867.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПАЛИТРА

А. МОРОВ

Фото Д. Ухтомского.

Раскаленный солнцем песок, деревце на берегу, полоска моря, и на этом фоне старый рыбак чинит сети. Если бы под картиной и не стояла подпись народного художника СССР Антанаса Жмуйдзинавичюса, автора узнаешь сразу. Узнаешь по простоте композиции, по нежности и точности живописи, по той влюбленности в родную природу и человека труда, которая отличает его творчество.

Художнику исполнилось восемьдесят пять лет. Но он удивительно молод, этот высокий человек с откинутыми назад волнистыми, снежной белизны волосами, двигающийся легко и быстро. Он молод и деятелен. С утра всегда у мольберта. Днем лекция для

Иногда шутливое замечание профессора дает больше, чем целая лекция.

Край мой — любовь моя!

ЛИТОВСКОГО ХУДОЖНИКА

студентов. Вечером Жмуйдзинавичюс за письменным столом; хороший рассказчик, он пишет о том, что видел и полюбил в жизни.

Я спросил: что больше всего ценит он в художнике?

— Искренность и трудолюбие,— сказал Жмуйдзинавичюс.— Правы те, кто утверждает, что талант, как земля. Наблюдай жизнь, и она не устанет тебя вознаграждать. Вспахивай свое поле каждый год, и ежегодно оно будет приносить плоды. Но ничего не создаст художник, если в нем нет любви к своему родному краю, к своему народу.

В этом весь Жмуйдзинавичюс.

Он объездил чуть не полсвета. Любовался северным сиянием, лазил на Монблан, бродил по улицам Рима и степям Аризоны, лесам Мичигана и горам Сьерры-Невады. Все было прекрасно вокруг. Но все меркло, когда вспоминались пейзажи Родины. Литва. Милее места для себя он не нашел. Ни как художник, ни как человек.

Я спросил: где бы хотел он обосноваться, если не в Каунасе, где находится сейчас его дом?

— Пожалуй, в Дзукии,— раздумчиво ответил Жмуйдзинавичюс.

Дзукия — это юг Литвы, место, где художник родился, слушал песни матери и сестер и мальчонкой-пастухом изучал тайны природы, ее язык и краски. Для Жмуйдзинавичюса Дзукия — символ Родины.

Много ходил он по литовской земле с этюдником в руках. Родному краю посвящено большинство картин. Жизнелюб, он редко пишет хмурые полотна. «Только когда очень зол»,— говорит, улыбаясь, художник. К таким произведениям относится созданная в годы царизма «Несчастная страна». Опустошенная земля, сгорбленный старик, одинокий, как и сосна, уцелевшая среди голого поля, а над ними тяжело нависшие тучи. Тут — вся трагедия обездоленного края... «Боль пронзила меня, я не могла сдержать слез»,— так говорила народная поэтесса Жемайте о творчестве Жмуйдзинавичюса той поры.

Но большинство произведений художника — это подлинный гимн советской Родине. Любоваться и удивляться ей он, кажется, не перестанет никогда! Вот полное динамики «Утро в окрестностях Клайпеды», поэтичные, задушевные «Прибалтийская пирамида», «Песок и небо». А вот монументальный пейзаж «Лес — государству».

«Какая красивая ваша страна, милый художник!» — пишут люди, побывавшие на выставке картин Жмуйдзинавичюса. Кажется, что «почерк» Жмуйдзинавичюса, тона его полотен так же удивительно соответствуют литовской природе, как яркие краски М. Сарьяна — солнечной Армении.

...Жмуйдзинавичюс подводит меня к мольберту. Он начал писать новую картину: на полотне лес до самого горизонта. Певец родной природы продолжает свою песнь о любимом крае.

Мимо этих картин не пройдешь.

Цена номера 30 коп.

